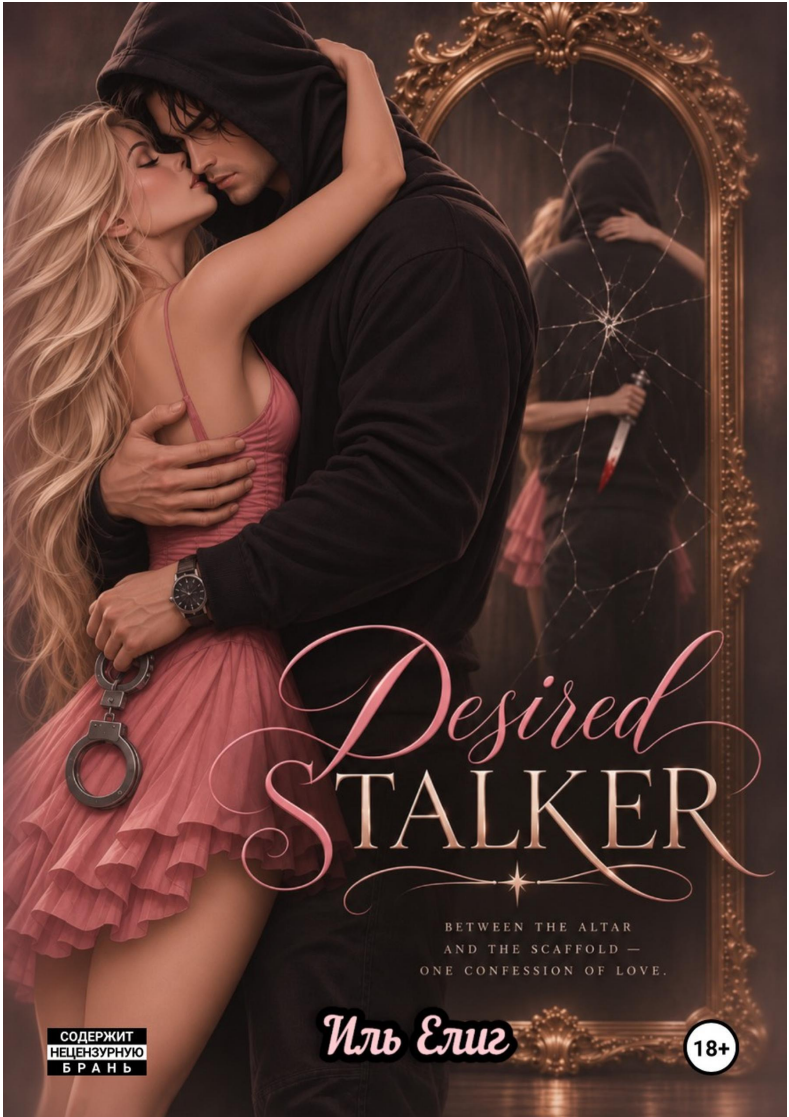

Desired
STALKER
BETWEEN THE ALTAR
AND THE SCAFFOLD —
ONE CONFESSION OF LOVE.
Иль Елиг
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иль Елиг
Желанный преследователь

https://litres.ru/75013802
SelfPub; 2026

Аннотация

Дэмиан

Я принял тебя за свет, посланный мне сквозь тёмную ночь. А ты готовила мне бездну, пока я возводил для тебя убежище от всех чудовищ мира. И даже узнав, что ты сама стала моим проклятием, я захотел оберегать тебя от последнего чудовища, которое не должно было встретиться на твоём пути. От себя.

Аврора

Я не должна была встретить его в тот день. Не должна была знать, кто он. Не должна была вступать в игру, в которой изначально была обречена на поражение. Я слишком рано узнала, что такое всепоглощающая любовь: даже зная, что он чудовище, я всё равно выбрала его вместо всех принцев. Но, к сожалению, наша история была совсем не сказкой.

Содержание

Глава 1. Дэмиан 8
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Иль Елиг
Желанный преследователь

ПРОЛОГ

Говорят, месть не оставляет места для чувств. Что, однажды решившись разрушить чужую жизнь, уже нельзя позволить себе слабость, привязанность или хотя бы мимолётное сомнение. Что сердце должно оставаться холодным, когда разумом движет единственная цель, а каждый следующий шаг приближает к расплате за прошлое.

Но никто не предупреждает, что делать, когда человек, которого ты собиралась использовать, постепенно становится тем, ради кого готова отказаться от всего задуманного. Когда ненависть, годами хранившаяся в сердце, начинает уступать место чувству, которому ты отчаянно сопротивляешься. И когда однажды понимаешь, что опасность заключается уже не в нём, а в собственной неспособности продолжать его ненавидеть.

Я знала, кто он. Знала его прошлое, его характер и то, на что он способен. Я не питала иллюзий относительно человека, к которому сама решила приблизиться. У меня была причина войти в его жизнь, и эта причина была куда весомее любых возможных последствий. Я не собиралась отступать, не собиралась жалеть и уж тем более не собиралась позволять чувствам вмешиваться в то, ради чего всё начиналось.

По крайней мере, именно в это я заставляла себя верить.

Но у судьбы оказалось слишком изощрённое чувство иронии. Она свела меня с человеком, которого я должна была

ненавидеть, и заставила увидеть в нём то, чего я никогда не искала. За его жестокостью обнаружилась сторона, к которой я не должна была прикасаться, а за моей собственной решимостью — слабость, которую я не могла себе простить.

Я хотела воздать ему за прошлое, но совершенно не представляла, что однажды мне придётся бороться не только с ним, но и с самой собой. Ведь иногда самое трудное — не простить человека за всё, что он совершил, а признать, что даже зная правду, ты всё ещё выбираешь его.

И тогда перед тобой остаётся лишь один вопрос: что окажется сильнее — желание отомстить или любовь, которой изначально не должно было быть?

Глава 1. Дэмиан

Середина июля, но Чикаго, казалось, окончательно утратил память о лете. Восьмой день подряд город находился во власти непрекращающегося ливня. Над крышами домов нависло тяжёлое свинцовое небо, скрывшее горизонт за плотной пеленой облаков, а холодные потоки воды хлестали по стёклам, крышам и тротуарам. Улицы блестели под тусклым светом фонарей, и мокрый асфальт напоминал огромное полотно из чёрного стекла, в котором отражался торопливый силуэт города, тщетно пытавшегося укрыться от непогоды.

Я сидел в припаркованном автомобиле, откинувшись на спинку водительского кресла, и наблюдал за Авророй на экране планшета. Она устроилась в дальнем углу кафе, поджав под себя одну ногу, и с таким неподдельным увлечением перелистывала страницы новой манги, словно за пределами выбранного ею столика не существовало ничего, что могло бы отвлечь её от чтения. Ни посетители, ни дождь за окном, ни даже хмурый город, который уже больше недели не видел солнца, не заслуживали её внимания.

Этот том я подарил ей сам. В официальной продаже его ещё даже не было, однако подобные обстоятельства никогда не становились для меня препятствием. Стоило в Японии появиться очередному выпуску её любимой серии, как спустя несколько дней он уже оказывался у неё в руках — с ан-

глийским переводом и доставкой точно по тому адресу, где она в тот момент находилась. Мне нравилось наблюдать за её искренней радостью, за тем, как она забывала обо всём вокруг, стоило только открыть долгожданную книгу. И особенно нравилось осознавать, что даже в такие моменты она не догадывается о моём существовании.

Возможно, именно в этом и заключалось главное удовольствие: оставаться незримым человеком, который знал о ней практически всё, мог исполнить любое её небольшое желание, но пока не требовал ничего взамен.

Сегодня Аврора снова сбежала из дома. Очередная выходка её стервозной мачехи переполнила чашу терпения, и она предпочла провести день в кафе, лишь бы не возвращаться под одну крышу с женщиной, которая, судя по всему, находила особое удовольствие в том, чтобы отравлять ей жизнь. Я бы давно избавил Аврору от этого источника неприятностей, если бы она позволила. Но она не позволяла, а её желания для меня всегда были важнее собственных намерений. Я мог злиться, не соглашаться с её решениями, часами обдумывать способы заставить каждого, кто причинял ей боль, пожалеть о содеянном, однако последнее слово всё равно оставалось за ней. Если она хотела, чтобы человек продолжал жить, значит, так тому и быть. Даже если мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы удерживать себя от поступков, которые я считал вполне оправданными.

Через месяц исполнится ровно пять лет с того дня, как я впервые увидел её. Пять лет — достаточно продолжительный срок, чтобы случайное увлечение превратилось в привычку или вовсе утратило свою привлекательность. Но со мной ничего подобного не произошло. Мне по-прежнему хотелось знать о ней больше, наблюдать за ней, замечать то, чего не замечали остальные. И чем дольше я оставался в стороне, тем отчётливее понимал, что однажды больше не смогу довольствоваться одним лишь наблюдением.

За эти годы я изучил её привычки до мельчайших подробностей. Знал, какой столик она выбирает в кафе, когда хочет побыть одна, что заказывает, если настроение испорчено, и куда отправляется, когда возвращаться домой становится невыносимо. Я научился различать малейшие изменения в её настроении по выражению лица: замечал, как она хмурится, когда сюжет книги захватывает её целиком, как непроизвольно прикусывает нижнюю губу, если чем-то недовольна, и как едва заметно приподнимаются уголки её губ, когда происходит нечто действительно приятное. Возможно, сама Аврора даже не подозревала, насколько красноречивой становилась в такие моменты.

Она пока практически ничего обо мне не знает. И я намерен это изменить.

До окончания университета у неё остался последний год. После выпуска я наконец появлюсь в её жизни, и тогда начнётся наша история. За эти пять лет я наблюдал, как она

взрослела, как менялась, как из девочки превращалась в девушку, сохранившую ту самую мягкость и уязвимость, которые когда-то привлекли моё внимание. Я мог бы приблизиться к ней гораздо раньше, но существовал один человек, чьё мнение я не мог игнорировать, даже если оно противоречило моим собственным желаниям.

Мой дядя. Генерал Тристан Марлоу.

Его имя десятилетиями произносили с уважением, а безупречная репутация была результатом не только многолетней службы, но и колоссальных усилий. Я не собирался становиться причиной её разрушения. Тристан заменил мне обоих родителей, вырастил меня и сделал всё возможное, чтобы я получил будущее, которого лишился после их смерти. Я был обязан ему слишком многим, чтобы позволить себе безрассудство.

Поэтому я держался от Авроры на расстоянии, даже когда уже не сомневался в собственных чувствах. Стоило мне появиться рядом с ней в качестве парня, как неизбежно возникли бы вопросы, а за ними последовали бы разговоры, которые могли добраться до дяди. Я не мог позволить себе подобного скандала. К тому же прекрасно понимал, что Аврора вряд ли приняла бы меня, если бы я просто возник перед ней после стольких лет неизвестности. Она не знала меня, не понимала моих намерений и уж точно не была готова впустить в свою жизнь человека, о существовании которого даже не подозревала. Мне предстояло подготовить почву для

нашего знакомства, сделать всё постепенно, не торопя события и не позволяя собственному нетерпению испортить то, к чему я шёл столько лет.

Пять лет назад, когда я впервые встретил её, мне было столько же лет, сколько ей сейчас. Однако наши жизни с самого начала складывались совершенно по-разному. Её взросление проходило среди привычных забот, университетских занятий и мелких неприятностей, которые в её возрасте могли казаться настоящими трагедиями. Моё же началось задолго до того, как я научился понимать происходящее вокруг. С самого детства я находился слишком близко к миру, существование которого большинство предпочитало отрицать, и постепенно привыкал к мысли, что однажды мне придётся принять наследство собственного отца вместе со всеми его грехами, врагами и кровавыми обязательствами.

Макс Синклер создал свою империю с нуля. Не имея за спиной влиятельной семьи, состояния или надёжных связей, он сумел построить подпольную организацию, влияние которой распространялось далеко за пределы страны. После его смерти управление постепенно перешло ко мне. Разумеется, не без помощи дяди.

Об этом не знал никто.

По настоянию Тристана я никогда не показывал своего лица людям, с которыми вёл дела, и не позволял настоящему имени появляться рядом с деятельностью, перешедшей ко мне от отца. В подпольном мире знали лишь о существова-

нии наследника Макса Синклера — человека, который после смерти отца взял его бизнес под собственный контроль и оказался куда безжалостнее предшественника. Им была известна моя фамилия, но не внешность. Никто не знал, где я живу, сколько мне лет и как выглядит человек, принимающий решения, после которых одни продолжали жить привычной жизнью, а другие бесследно исчезали.

Пока я управлял империей, дядя занимался всем, что могло привлечь ко мне нежелательное внимание. Он устранял последствия, зачищал следы и следил за тем, чтобы отдельные эпизоды никогда не складывались в единую картину, способную привести к Дэмиану Марлоу. Для окружающих я оставался исключительно племянником генерала Тристана Марлоу, сыном его погибшей сестры, человеком, которому досталась фамилия Марлоу и который не имел никакого отношения к преступному наследию Макса Синклера.

Никто не знал, что сестра генерала была женой человека, чьё имя до сих пор заставляло многих нервно оглядываться по сторонам. И никто не должен был узнать.

Мои родители и дядя выросли в детском доме. Отец начинал там же, где начинали тысячи детей, которым не повезло родиться в обеспеченной семье. У него не было денег, связей или влиятельных покровителей, готовых протянуть руку помощи. Всё, чего он добился, стало результатом собственного упрямства, расчётливости и готовности переступать через любые препятствия. Он поднимался медленно, шаг за шагом

прокладывая себе дорогу наверх, пока однажды не оказался во главе собственной подпольной империи.

Тристан никогда не одобрял выбранный им путь. Между ними с самого начала существовало слишком много противоречий, а когда моя мать решила связать свою жизнь с Максом, она фактически поставила точку в отношениях с родным братом. Ей пришлось выбирать между мужчиной, которого она любила, и братом. Она выбрала отца. После этого они перестали общаться.

Спустя годы моих родителей убили.

Именно тогда Тристан вновь появился в моей жизни, забрал меня под опеку и сделал всё возможное, чтобы я не стал очередной жертвой обстоятельств, в которых родился. С тех пор для окружающих я существовал в его тени. И, признаться, меня вполне устраивало такое положение вещей.

В тот день, когда я впервые встретил Аврору, дядя наконец сообщил мне имя человека, ответственного за смерть моих родителей. К тому времени я уже достаточно повзрослел, чтобы понимать: некоторые долги невозможно оставить неоплаченными. Я нашёл виновного и заставил его заплатить. Сначала он смотрел, как один за другим умирают самые близкие ему люди, а затем настала его собственная очередь.

Когда всё закончилось, я сел на мотоцикл и выехал в ночной Чикаго.

Дождь тогда тоже не прекращался. Холодный ветер бил в

лицо, пробирался под одежду и смешивался с запахом мокрого асфальта, но никакая непогода не могла перебить въевшийся в кожу запах крови. Он преследовал меня повсюду: оставался на руках, под ногтями, на рукавах куртки и, казалось, проникал гораздо глубже, туда, откуда его уже не вымыть ни водой, ни временем.

Я гнал по пустынным улицам, почти не замечая дороги. Сердце билось так часто и тяжело, что каждый удар отдавался в висках, а перед глазами всё ещё стояла багровая пелена. Я только что лишил жизни нескольких человек, и осознание произошедшего постепенно пробивалось сквозь охватившее меня оцепенение. До той ночи я знал о жестокости многое, но одно дело — понимать, в каком мире ты живёшь, и совершенно другое — самому оказаться по ту сторону черты, за которой уже невозможно вернуться к прежнему себе. Я знал, что однажды мне придётся продолжить дело отца, но до конца не представлял, насколько сильно это изменит меня самого.

Оказавшись в пробке, я внезапно почувствовал, будто чьи-то невидимые пальцы сомкнулись на моём горле. Воздуха перестало хватать. Я попытался сделать глубокий вдох, но лёгкие словно отказались подчиняться, а грудную клетку сдавило так сильно, что каждый следующий вдох давался с трудом. Вокруг гудели автомобили, мигали светофоры, дождевые капли стекали по стеклу шлема, превращая огни ночного города в расплывчатые световые полосы, однако все эти

звуки постепенно отдалялись. Я слышал только собственное дыхание — хриплое, прерывистое, пугающе громкое.

Схватившись за горло, я попытался ослабить несуществующую хватку и несколько раз судорожно втянул воздух. Тщетно. Тело перестало мне подчиняться, а паника, которую я не мог ни объяснить, ни остановить, стремительно захватывала сознание. Я не понимал, что со мной происходит, и впервые за долгое время почувствовал настоящий страх.

В следующую секунду меня резко отбросило в сторону.

Чья-то рука с силой толкнула меня, и я слетел с мотоцикла, тяжело ударившись о мокрый асфальт. Почти одновременно мимо пронеслась машина, задев мой байк. От удара его отбросило на несколько метров. Лишь тогда я осознал, что ещё мгновение назад находился именно там, куда пришёлся удар. Если бы незнакомец не вмешался, сейчас под колёсами автомобиля оказался бы я.

Я попытался подняться, но тело по-прежнему отказывалось нормально функционировать. Воздух короткими, болезненными порциями проникал в лёгкие, грудь сдавливало изнутри, а перед глазами всё плыло. С трудом приподняв голову, я заметил неподалёку женский силуэт.

Девушка стояла под проливным дождём и смотрела на меня. По выражению её лица было понятно, что она испугалась не меньше моего, хотя именно благодаря ей я всё ещё оставался жив.

Первой мыслью было, что передо мной ангел.

Звучит нелепо, особенно если вспомнить, в каком состоянии я находился и чем были заняты мои руки всего несколько часов назад. Но в тот момент мне действительно показалось, что среди промозглых улиц, грязного асфальта и размытых огней ночного Чикаго возникло нечто совершенно чуждое окружающему миру.

Длинные светлые волосы девушки промокли насквозь и тяжёлыми прядями прилипли к плечам. Бледное лицо в холодном свете фонаря казалось почти неземным, а дождевые капли стекали по щекам, теряясь у подбородка. Она приблизилась, опустилась рядом со мной на корточки и внимательно заглянула в глаза, словно пыталась убедиться, что я не получил серьёзных повреждений.

И тогда я увидел их.

Огромные, невероятно синие глаза. В них отражалось столько неподдельных эмоций, что на несколько мгновений я совершенно забыл о боли, разбитом мотоцикле и собственной неспособности нормально дышать. Страх за совершенно незнакомого человека, тревога, решимость и облегчение — всё это смешалось в её взгляде, придавая ему удивительную глубину. Она действительно испугалась за меня. За человека, которого видела впервые в жизни и от которого не могла ожидать ничего, кроме благодарности за спасение.

Я не знал её имени, не знал, откуда она появилась и что заставило её броситься мне на помощь. Для неё я был всего лишь незнакомцем, которому не повезло оказаться на дороге

в самый неподходящий момент. Но она ещё не подозревала, что одним своим поступком оставила след в моей памяти, которому предстояло пережить многое.

Её глаза навсегда врезались мне в сознание. Настолько глубоко, что даже спустя пять лет я порой видел их во сне.

— Ты в порядке? — её голос прозвучал мягко, но в непривычной близости к нему отчётливо слышалось беспокойство.

Я попытался ответить, однако вместо слов из горла вырвался лишь хрип. Казалось, даже простое движение губ требовало от меня усилий.

— Я заметила, как ты держался за горло. Ты словно совсем перестал дышать, будто тело просто отказалось тебе подчиняться, — продолжила она, внимательно всматриваясь. — Пожалуйста, будь осторожнее. Тебя ведь чуть не сбила машина. Береги свою жизнь.

Последние слова почему-то задели меня сильнее, чем всё остальное.

Береги свою жизнь.

Я невольно задержал на ней взгляд. Будто она говорила не только о случившемся на дороге, а обращалась непосредственно к той части меня, которая ещё несколько часов назад не испытывала ни малейшего сожаления по поводу чужих смертей и теперь не видела никакой ценности в собственном существовании. Она произнесла это так просто, словно жизнь действительно была чем-то, что следовало беречь.

Словно у каждого человека непременно находилась причина продолжать жить, даже если сам он давно перестал её искать.

Я посмотрел на неё и вместо благодарности за спасение произнёс единственное, что в тот момент казалось мне правдой:

— У меня нет причины жить.

Она нахмурилась. На её лице промелькнуло что-то похожее на боль, словно мои слова каким-то образом задели и её саму. Однако девушка быстро справилась с эмоциями и посмотрела на меня уже иначе — спокойно, уверенно, с той неожиданной твёрдостью, которую я совершенно не ожидал увидеть за её ангельской внешностью.

— Пока человек жив и здоров, у него есть тысячи причин продолжать жить. Просто найди свою и живи.

Она грустно улыбнулась, поднялась с корточек и уже собиралась уйти, когда вдруг остановилась и обернулась ко мне.

— Раз уж ты можешь разговаривать, значит, немного пришёл в себя. Только не вздумай снова садиться на байк в таком состоянии.

Последние слова она произнесла с такой строгостью, что я невольно задержал на ней взгляд. В её голосе не осталось ни прежней мягкости, ни тревожной нежности. Скорее она напоминала взрослого человека, отчитывающего ребёнка за очередную глупость. И это совершенно не вязалось с её внешностью.

Затем она ушла, оставив меня одного посреди мокрой дороги.

Я продолжал сидеть на асфальте, не в силах заставить себя пошевелиться. После всего, что произошло тем вечером, после крови, чужих криков и адреналина, всё ещё бушевавшего в моей крови, я с трудом осознавал происходящее. Мысли путались, тело оставалось неподвижным, а перед глазами неотступно стоял её силуэт. Когда дыхание наконец немного выровнялось и я сумел прийти в себя, то заметил, как девушка садится в автомобиль.

Именно тогда меня впервые по-настоящему испугала мысль, что я могу больше никогда её не увидеть.

Я с трудом поднялся, добрался до искорёженного, но всё ещё работающего мотоцикла и, разумеется, проигнорировав её прямое предупреждение, снова оседлал байк. Мне нужно было знать, куда она направляется. Нужно было хотя бы ещё раз увидеть её, прежде чем эта случайная встреча окончательно останется в прошлом.

Я рванул следом.

В тот вечер смерть, по-видимому, решила проверить, сколько раз я сумею ускользнуть от неё за одну ночь. На этот раз удача оказалась не на моей стороне: пытаясь догнать автомобиль девушки, я не заметил приближавшуюся машину, которая подрезала меня на дороге.

Дальше всё слилось в привычную для больницы последовательность событий: авария, сирены скорой помощи, опера-

ционная, больничная палата, несколько дней беспамятства и боль, разливавшаяся по всему телу так, словно меня сначала разобрали на части, а затем кое-как собрали обратно.

Дядя, разумеется, пришёл в ярость. Он называл меня безответственным ублюдком, требовал объяснений, ругался и не скрывал своего отношения к моей выходке. Но я почти не слушал его. Всё моё внимание было сосредоточено на совершенно другом. Я снова и снова прокручивал в памяти события той ночи, пытаясь восстановить номер автомобиля, в который села девушка, спасшая мне жизнь.

Судьба словно решила поиздеваться надо мной: сначала она вытащила меня из-под колёс, а когда я попытался последовать за ней, сама едва не отправила обратно под них. В моей голове эти два события навсегда переплелись между собой, связав незнакомую девушку с чем-то, что одновременно напоминало мне о жизни и смерти.

Спустя несколько дней, когда сознание окончательно прояснилось, я всё-таки вспомнил номер машины. Дальнейшие поиски не заняли много времени.

И тогда меня ждало первое настоящее потрясение.

Её отец оказался уважаемым бизнесменом, примерным семьянином и человеком, которого большинство окружающих никогда бы не заподозрило в связях с подпольным миром. Когда-то он был партнёром моего отца, а впоследствии превратился в его главного конкурента. Об этом знали немногие. Как и о существовании меня самого.

Днём он занимался вполне легальным бизнесом, поддерживал нужные знакомства и создавал образ добропорядочного человека, а ночью управлял собственной частью преступного мира. Две совершенно разные жизни, которые он умудрялся держать в равновесии.

Меня это не интересовало. Пока он не переходил мне дорогу, я не собирался вмешиваться в его дела. Моё внимание занимала исключительно его дочь.

Аврора.

Имя, которое удивительно подходило ей самой.

Она жила вместе с отцом, мачехой и сводной сестрой, превратившей её школьные годы в настоящий кошмар. Чем больше я узнавал о её семье, тем отчётливее понимал, насколько сильно ей не повезло с людьми, которые должны были делать её жизнь лучше. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы собрать достаточно компрометирующей информации на её сводную сестру и добиться того, чтобы та уехала как можно дальше от Авроры.

Когда девушки окончили школу, Аврора поступила в Чикагский университет, а её сводная сестра отправилась получать образование в Англию.

Наконец-то у Авроры появилась возможность жить собственной жизнью. Она была занята учёбой, реже сталкивалась с людьми, которые годами отравляли ей существование, и постепенно получала то личное пространство, которого ей так не хватало в родном доме.

Я продолжал наблюдать за ней. Сначала просто следил из машины, убеждая себя, что хочу лишь убедиться в её безопасности. В конце концов, когда-то она сделала для меня то же самое. Затем мне стало недостаточно знать, что с ней всё хорошо. Я привык видеть её каждый день, привык следить за тем, как проходит её жизнь, и постепенно ожидание очередной встречи с ней превратилось в неотъемлемую часть моего существования.

Позже я начал подыскивать подходящий момент, чтобы наконец подойти и поблагодарить её за тот вечер. Однако каждый раз, когда представлял нашу встречу, упирался в один и тот же вопрос: что я скажу, если она поинтересуется, откуда я вообще её знаю и каким образом нашёл?

Я привык знать, где она находится, чем занимается, с кем проводит время и как проходит каждый её день. Это настолько естественно вписалось в мою жизнь, что я даже не заметил, в какой момент простое любопытство превратилось в привычку, привычка — в зависимость, а зависимость окончательно переросла в одержимость.

Поэтому я продолжал наблюдать. Так было проще, чем пытаться объяснить самому себе, почему мысль о том, чтобы однажды остаться без возможности видеть её, вызывала во мне почти физическую боль.

Я никогда не был нормальным человеком. Всё моё умение изображать нормальность проявлялось исключительно на мероприятиях, куда меня периодически вытаскивал дядя.

Там я прекрасно справлялся с ролью воспитанного молодого мужчины: надевал подходящую маску, пожимал нужные руки, поддерживал светские разговоры и произносил именно те слова, которые от меня ожидали услышать. Со стороны я выглядел человеком, которого можно без опасений представить обществу.

Но Тристан прекрасно знал, что скрывается за этой маской.

Меня сформировал не только мир, в котором я вырос и в котором продолжал жить. Возможно, что-то во мне было сломано гораздо раньше, ещё до того, как я успел осознать собственную природу. А может быть, я просто таким родился. Даже при живых родителях я оставался замкнутым, предпочитал одиночество обществу и никогда не испытывал особой потребности в человеческой близости. У меня практически не было настоящих друзей, глубоких привязанностей или людей, ради которых хотелось бы строить собственное будущее.

До встречи с ней я просто существовал.

Аврора стала первым человеком, рядом с которым мне захотелось чего-то большего. Не ради наследства, власти, денег или очередной прихоти. Впервые в жизни я обнаружил, что способен желать чего-то исключительно для себя. И спустя некоторое время понял, что влюбился в неё, если то, что происходило со мной, вообще можно было назвать любовью.

Хотя в неё действительно было невозможно не влюбить-

ся. Она обладала той красотой, которая не нуждалась в дополнительных усилиях, той мягкостью, которая располагала к себе, и невинностью, которую я особенно остро ощущал на фоне собственного мира. По крайней мере, именно такой её видели окружающие. Но чем дольше я наблюдал за ней, тем отчётливее понимал, что за её внешней хрупкостью скрывается гораздо более сложный характер. Она вовсе не была такой беззащитной, какой казалась на первый взгляд, и мне нравилось открывать в ней стороны, которых другие попросту не замечали.

Со временем одного наблюдения издалека мне стало недостаточно. Я начал устанавливать камеры в местах, где она проводила время: в её доме, спальне, доме подруги, куда она часто приходила, в университете и заведениях, которые посещала. Более того, я даже приобрёл кафе, в котором она чаще всего любила сидеть в одиночестве.

И совершенно не испытывал по этому поводу угрызений совести.

В моём сознании давно перестало существовать чёткое разделение на правильное и неправильное. Я хотел знать, что с ней всё хорошо, и не видел причин отказываться от возможности убедиться в этом. По крайней мере, именно так я объяснял собственные поступки. Хотя где-то глубоко внутри прекрасно понимал, что дело давно перестало ограничиваться заботой о её безопасности.

Я хотел знать о ней всё. Хотел видеть то, что она не пока-

зывала окружающим, слышать то, о чём не рассказывала даже самым близким, и оставаться рядом в те моменты, когда она была уверена, что находится совершенно одна. Мне хотелось стать человеком, который знает её лучше всех, который видит каждую её сторону и которому однажды она сама захочет доверить то, что скрывает от остального мира.

Единственным человеком, от которого мне приходилось скрывать происходящее, был дядя. Тристан слишком хорошо меня знал и прекрасно понимал, насколько далеко я способен зайти, если что-то действительно завладеет моим вниманием. Его беспокоили не столько мои поступки, сколько то, что творилось у меня в голове. Поэтому я тщательно оберегал от него существование Авроры.

Она не была моим грязным секретом. Я воспринимал её совсем иначе.

Она была моим сокровищем, о котором я не собирался рассказывать никому.

Мои мысли обрываются, когда Аврора покидает кафе и направляется в сторону парка. Я знаю эту её привычку: стоит грусти завладеть настроением, как она надевает наушники, прячет руки в карманы куртки, перекидывает рюкзак через плечо и отправляется на прогулку, надеясь, что движение и музыка помогут унять беспорядок в голове. Ей необходимо побыть одной, пройтись по знакомым улицам, позволить мыслям постепенно раствориться в музыке, пока внутри наконец не станет спокойно. Дождь к этому времени по-

чти закончился, оставив после себя лишь мокрый асфальт, потемневшие тротуары и многочисленные лужи, в которых отражались огни города.

Я на машине следую за ней, сохраняя безопасное расстояние. Если она случайно обернётся и увидит меня, то, разумеется, не узнает. Но я никогда не полагался на случай и не собирался начинать сейчас. Иногда достаточно одного взгляда, одного мимолётного совпадения, чтобы человек начал замечать то, чего прежде не замечал. Мне не нужно, чтобы Аврора хотя бы на мгновение задумалась о том, что за ней могут наблюдать. Поэтому я держусь в стороне, выбирая маршрут так, чтобы оставаться незаметным, и внимательно слежу за каждым её движением.

В такие минуты всё, что не имеет к ней отношения, перестаёт существовать для меня. Я могу пройти мимо десятков людей, не запомнив ни одного лица, не услышать ни единого голоса, не обратить внимания на происходящее вокруг. Моё внимание целиком принадлежит ей. Я замечаю, как она идёт, чуть наклонив голову, как время от времени поправляет сползающую с плеча лямку рюкзака, как замедляет шаг, когда в наушниках начинается песня, которую особенно любит. Порой она даже останавливается на несколько секунд, словно музыка захватывает её настолько, что продолжать путь становится необязательно. И я смотрю на неё, совершенно забывая, что где-то за пределами моего маленького мира продолжают жить миллионы людей.

Когда Аврора возвращается домой, я не спешу уезжать. Остаюсь в машине и жду, пока в окне её комнаты не появляется свет. Лишь тогда позволяю себе откинуться на спинку сиденья и наблюдать за тем, как она входит, бросает вещи на кровать и скрывается в ванной. Убедившись, что она дома и с ней всё в порядке, завожу двигатель и направляюсь к себе.

Мой дом находится совсем недалеко. Когда-то я всерьёз рассматривал возможность купить недвижимость напротив её дома. Но подобная близость была бы слишком рискованной. Дядя время от времени навещает меня, и объяснять ему, почему я поселился буквально напротив семьи Авроры, мне совершенно не хотелось. Даже для человека с моими возможностями такая случайность выглядела бы подозрительно.

Я паркуюсь, прохожу через гараж и спускаюсь в подвал, где оборудовано моё личное пространство. Здесь находится всё необходимое для наблюдения, хранения записей и контроля за тем, что происходит в жизни Авроры и на моей работе. Воздух пропитан запахом металла и сырости, оставшейся после дождя. Второй запах я люблю почти так же сильно, как её собственный. И нет, не спрашивайте, откуда мне известно, как пахнет Аврора.

Большую часть времени я провожу именно здесь. За пределами этого помещения у меня есть другая жизнь, обязанности, люди, с которыми приходится встречаться, и дела, требующие моего внимания. Но всё это лишь неизбежная

часть существования, которую я терплю ради возможности возвращаться сюда. В подвале меня встречают привычная тишина, ровное гудение аппаратуры и звук её дыхания, доносящийся из динамиков. Здесь мне не приходится притворяться, изображать интерес к чужим разговорам или делать вид, что меня волнует что-либо, кроме неё.

На одном из мониторов Аврора выходит из душа, закутавшись в полотенце. Она включает музыку и принимается за свои обычные дела, совершенно не подозревая, что я снова наблюдаю за ней. Для неё этот вечер ничем не отличается от предыдущих. Она находится в безопасности собственного дома, среди привычных вещей, и даже не догадывается, насколько давно её личное пространство перестало быть только её.

Я знаю, что однажды всё изменится. Она перестанет быть девушкой, за которой я годами наблюдал издалека, и станет женщиной, которая будет просыпаться рядом со мной. Я смогу прикасаться к ней, слышать её голос не через динамики, а совсем близко, видеть её улыбку без необходимости приближать изображение на экране. Но даже тогда моя потребность знать о ней всё никуда не исчезнет. Я не представляю, как можно спокойно заниматься собственными делами, не имея ни малейшего представления о том, где она находится и чем занята. Каждая минута вдали от меня будет требовать ответа, и я намерен его получать. Всегда.

Я смотрю на экран и невольно улыбаюсь, вспомнив наш

маленький секрет. За пять лет Аврора несколько раз пыталась устроить личную жизнь, и ни одна из этих попыток не закончилась свиданием. Каждый раз я находил способ разрушить её интерес к очередному поклоннику. На телефон Авроры приходили компрометирующие записи, после которых она уже не смотрела на этих мужчин с прежней симпатией. Достаточно было показать ей, с кем именно она собиралась связать своё свободное время, и необходимость вмешиваться лично отпадала сама собой.

Разумеется, я мог поступить иначе. Убить каждого, кто осмеливался приблизиться к ней, или сделать так, чтобы больше ни один из них не смог даже самостоятельно передвигаться. Но подобное решение было бы не только чрезмерным, но и глупым. Рано или поздно череда исчезновений и несчастных случаев привлекла бы ненужное внимание. А последнее, чего я хотел, — стать объектом подозрений, особенно со стороны дяди. Поэтому я выбрал более незаметный способ: позволить Авроре самой разочаровываться в мужчинах, которые пытались завоевать её расположение. Пусть считает, что ей просто не везёт с выбором. Так было гораздо безопаснее.

Последний случай произошёл на вечеринке, куда она отправилась вместе с подругой. Какой-то ублюдок воспользовался тем, что она выпила лишнего, подмешал ей что-то в напиток и попытался увезти к своей машине. Я вмешался прежде, чем он успел осуществить задуманное.

Мне пришлось искалечить его, после чего я забросил тело в багажник, а Аврору усадил на пассажирское сиденье. Пока я пристёгивал ремень безопасности, она что-то невнятно пробормотала, и я впервые за всё время оказался настолько близко к ней, что смог почувствовать её запах. Не тот, который улавливал, когда она проходила мимо, и не тот, что оставался на вещах, к которым я имел доступ. Настоящий. Её собственный. Я провёл ладонью по её волосам, осторожно коснулся губами виска и задержался рядом чуть дольше, чем следовало. В тот момент мне особенно ясно стало, насколько глубоко я увяз в этой одержимости и как мало во мне осталось способности сопротивляться ей.

Я отвёз её к подруге и оставил на диване в беседке. Затем воспользовался её телефоном, чтобы отправить сообщение: ей стало плохо, домой в таком состоянии она не поедет, поэтому останется у неё на ночь. Подруга появилась почти сразу. Это был единственный человек из окружения Авроры, о котором я мог сказать с уверенностью: она действительно её любит и искренне заботится о ней. Не ради выгоды, не из чувства долга и не потому, что так принято между близкими людьми. Ей просто была дорога Аврора. Она помогла ей подняться и увела в комнату, и только после этого я наконец позволил себе выдохнуть.

С человеком, оставленным в багажнике, я разобрался позже. Ему не удалось рассказать кому-либо о той ночи, как, впрочем, не удалось бы и при любом другом исходе. Уме-

ние избавляться от нежелательных свидетелей — одно из немногих преимуществ моего положения, которыми я действительно дорожу.

Когда Аврора вернулась домой, я снова наблюдал за ней. Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и выглядела потерянной, словно всё произошедшее до сих пор не укладывалось у неё в голове. Я не мог оставить её в таком состоянии. В тот же день отправил ей любимые орхидеи, новую серию манги и сладости, от которых она никогда не отказывалась. Вместе с подарками была флешка с записью вечеринки. Я хотел, чтобы она увидела всё собственными глазами и больше не сомневалась в том, что произошло.

На видео было отчётливо видно, как тот ублюдок что-то подмешивает в её напиток, а затем пытается увести её к машине. Я до сих пор помню выражение её лица, когда она включила запись. Сначала она просто смотрела на экран, не понимая, что именно видит. Потом прикрыла рот ладонью, и в её глазах появился неподдельный ужас. Постепенно до неё доходило, насколько близко она оказалась к тому, чтобы стать жертвой человека, которому доверилась.

Именно тогда я впервые написал ей сообщение. Попросил успокоиться и впредь держаться подальше от подобных ублюдков. Я видел, как она растерялась, как долго смотрела на сообщение, прежде чем решилась ответить. Её пальцы дрожали, а вопрос оставался одним и тем же: кто я?

Я написал, что являюсь человеком, которого она однажды

спасла.

До сих пор не знаю, вспомнила ли она меня. Возможно, та встреча не оставила в её памяти ничего, кроме случайного происшествия на мокрой дороге. Для меня же она стала началом всего, что последовало за этим.

После моего сообщения телефон Авроры едва не превратился в допросную. Кто я? Откуда знаю её? Как узнал адрес? Почему наблюдал за ней? Каким образом нашёл её и зачем вообще решил вмешаться? Вопросы следовали один за другим, и я видел, насколько сильно ей хотелось получить ответы. Она пыталась разобраться, кто именно появился в её жизни из ниоткуда и почему этот незнакомец знает о ней так много.

Но раскрывать себя я не собирался.

Я ответил лишь на одно: однажды я появлюсь в её жизни и больше из неё не исчезну.

Тогда она задала вопрос, который заставил меня улыбнуться: что мешает мне появиться прямо сейчас?

Я знал, что именно.

Аврора ещё не была готова встретиться с таким человеком, как я. Она не знала, кем я являюсь, чего от неё хочу и на что способен ради того, чтобы получить желаемое. Если бы я появился перед ней сейчас, велика вероятность, что она испугалась бы, начала избегать меня и попыталась бы оградить себя от моего присутствия. Но мне не нужен был её страх. Я не хотел становиться ещё одним человеком, от которого

ей пришлось бы защищаться. Мне нужна была её любовь, а её невозможно получить одним лишь вторжением в чужую жизнь.

Поэтому я честно написал, что не появляюсь только потому, что не хочу её пугать.

Она спросила, плохой ли я человек.

Я ответил так же честно, как и прежде: худший из всех, кого она когда-либо знала.

И тогда Аврора написала, чтобы я появился, когда стану хорошим.

Эта дерзость понравилась мне гораздо больше, чем я мог бы признать. В ней неожиданно обнаружилось нечто такое, чего я прежде не замечал за девушкой, которую привык считать тихой, мягкой и почти беззащитной. Она умела быть нежной, но это вовсе не означало, что она была лишена характера. В её словах чувствовалась живая, неподдельная смелость, и именно она заставила меня улыбнуться. Мне нравилось, что даже незнакомому человеку она не собиралась безоговорочно уступать.

И всё же приблизиться к ней я пока не мог.

Дело было не только в дяде и не только в том, что я опасался её реакции. Рядом со мной Аврора действительно оказалась бы в опасности. Её отец рано или поздно мог узнать, кто я такой, а тогда последствия коснулись бы не только меня. Аврора оказалась бы между двумя мирами, которым никогда не следовало пересекаться, и я не мог допустить, что-

бы она стала частью войны, начавшейся задолго до её рождения. Её отец и мой отец слишком долго существовали по разные стороны одной и той же преступной империи, чтобы я мог рассчитывать на мирное соседство.

Но именно Аврора впервые заставила меня задуматься о том, что, возможно, у меня ещё есть возможность выбрать другую жизнь.

Каким-то непостижимым образом она пробуждала во мне всё лучшее, что ещё сохранилось под слоями жестокости, привычки к насилию и равнодушия. Рядом с ней мне впервые захотелось перестать быть сыном Макса Синклера, наследником чужой крови и человеком, чьё имя произносили только в подпольных разговорах. Я не хотел, чтобы однажды она узнала обо мне всё и увидела лишь продолжение своего отца в другом человеке. Я хотел прийти к ней Дэмианом Марлоу — тем, кем она могла бы гордиться, а не тем, кого ей следовало бы бояться.

Поэтому я принял решение покончить с делами отца и передать его империю его другу и сыну этого человека — единственному, кого я когда-либо мог назвать своим другом. Он был рядом задолго до появления Авроры и знал меня таким, каким я был задолго до того, как впервые увидел её. Я доверял ему достаточно, чтобы оставить в его руках наследие, которое долгие годы принадлежало моей семье. Это был единственный человек, которому я мог передать власть, не опасаясь, что он уничтожит всё, что создавалось десятилетиями.

После этого мне предстояло избавиться от последних следов прошлого и навсегда забыть фамилию Синклер.

Если я хотел получить возможность жить рядом с Авророй обычной жизнью, другого пути не существовало. Я был готов отказаться от всего, что прежде считал своим по праву рождения, но прекрасно понимал: подобные перемены не происходят по одному желанию. Нельзя просто исчезнуть из мира, в котором прожил всю жизнь, передать власть другому человеку и надеяться, что прошлое послушно останется позади. Оно обязательно попытается настичь меня, напомнить о старых обязательствах, людях и поступках, от которых невозможно отмахнуться одним решением.

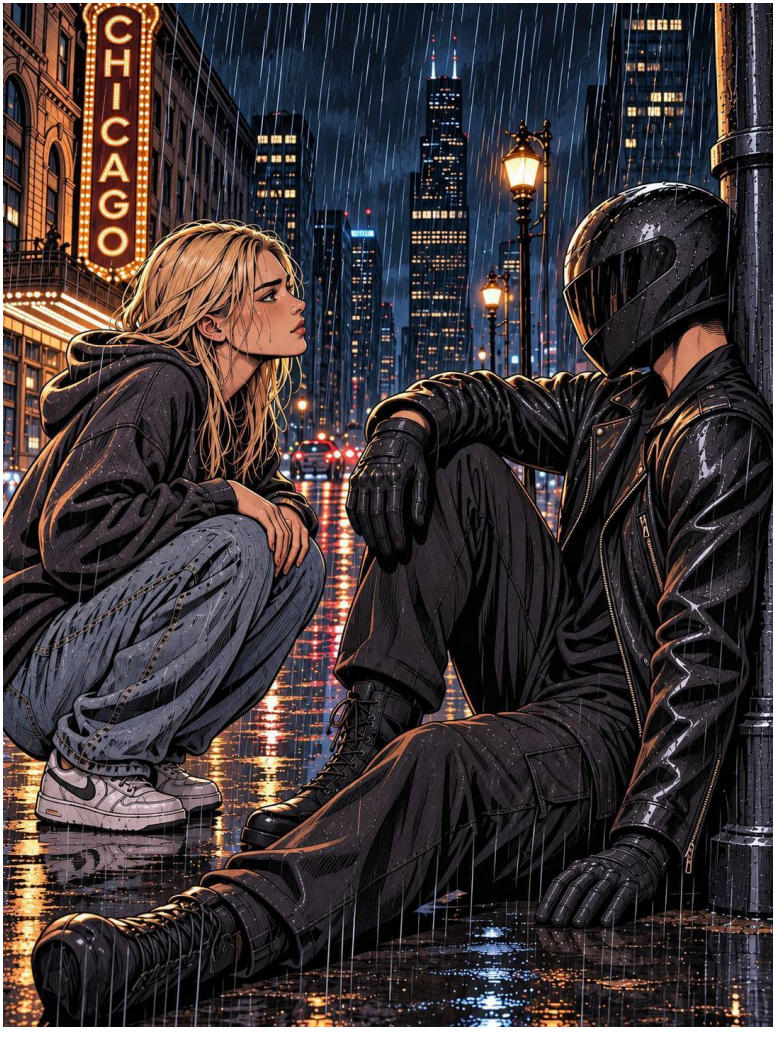
Мне нужно было завершить все дела, устранить связи, способные привести ко мне, и сделать так, чтобы после моего ухода никто не смог связать Дэмиана Марлоу с человеком, которым я был прежде. Ни одна ниточка не должна была тянуться к моей прежней жизни. Ни один человек не должен был получить возможность использовать Аврору против меня.

Я шёл к этому годами и установил для себя чёткий срок — окончание её учёбы. До этого момента оставалось совсем немного. После выпуска я наконец смогу встретиться с ней не как с девушкой, за которой пять лет наблюдал из тени, а как мужчина, который намерен остаться рядом и больше не скрывать своего присутствия.

Аврора стала той самой причиной, которую я однажды

решил выбрать вместо смерти и бессмысленного существования. Она ещё не знала, насколько сильно изменила мою жизнь, и не представляла, от столького я готов отказаться ради возможности однажды назвать её своей.

Но я собирался сделать всё, чтобы больше никогда её не потерять.

CHICAGO

Глава 2. Аврора

Я сижу перед туалетным столиком, медленно просушивая волосы после душа, и снова ощущаю на себе его взгляд. Он наблюдает за мной. Я знаю это с той же уверенностью, с какой узнаю собственное отражение в зеркале. За столько лет я привыкла к его невидимому присутствию настолько, что порой ловлю себя на совершенно нелепом желании обернуться и обнаружить его прямо за спиной. Просто увидеть наконец человека, который годами остаётся где-то рядом, но никогда не позволяет мне сократить расстояние между нами. Хотя я прекрасно понимаю: стоит мне повернуть голову, и за спиной окажется лишь пустая комната.

Сколько бы я ни пыталась его спровоцировать, сколько бы возможностей ни оставляла, словно приглашая наконец выйти из тени и показаться мне, Дэмиан не появляется. Он предпочитает оставаться невидимым: следить, присылать подарки, напоминать о себе сообщениями и оставлять после каждого своего поступка ещё больше вопросов, чем было до него. И чем дольше продолжается эта странная игра, тем сильнее меня тревожит уже не само его преследование, а то, что скрывается за ним. Я не понимаю, чего он добивается, почему ведёт себя именно так и что на самом деле хочет от меня получить.

Я играю против настоящего монстра, даже не зная правил этой игры. Самое пугающее заключается в том, что его по-

ступки совершенно не укладываются в образ человека, которого я должна ненавидеть. Иногда мне кажется, что я вот-вот перестану доверять собственному здравому рассудку, потому что не могу примирить две стороны одного и того же человека. Убийца моей матери не должен присылать мне цветы. Человек, способный без колебаний лишить другого жизни, не должен помнить, какую мангу я люблю, какие сладости предпочитаю и когда у меня день рождения. Тот, кто годами следит за каждым моим шагом, не должен заботиться о том, чтобы со мной ничего не случилось. Но Дэмиан делает всё это, и оттого мне ещё страшнее. Я не могу понять, что именно движет им: чувство вины, извращённая привязанность или нечто настолько далёкое от нормального человеческого поведения, что у меня даже нет подходящего названия.

Пару лет назад я впервые получила от него подарки и запись, на которой он спасал меня, когда я практически не контролировала собственное тело. Тогда я предпочла промолчать. Не рассказала отцу, не стала выяснять, кто этот человек, и не подняла шума. Просто спрятала произошедшее где-то глубоко внутри, надеясь, что со временем смогу разобраться во всём самостоятельно. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это было одним из самых правильных решений, которые я могла принять. По крайней мере, тогда я ещё не знала, насколько чудовищной окажется правда.

Всего через несколько дней я приехала вместе с отцом

на одно из мероприятий. Мы находились среди гостей, когда кто-то неожиданно схватил меня и буквально втолкнул в ближайшую комнату. Я не успела даже вскрикнуть: незнакомец тут же прижал ладонь к моему рту, заставив замереть от испуга. Несколько секунд я не могла разобрать, кто передо мной. Сердце колотилось так сильно, что заглушало остальные звуки, а мысли путались, не позволяя оценить происходящее. И только когда я наконец подняла глаза, увидела светлые волосы и зелёные глаза.

Эндрю.

Тогда я ещё не представляла, насколько важным этот человек станет для меня впоследствии. Не знала, что он превратится в моего друга, помощника и единственного человека, которому я смогу доверить то, о чём не решусь рассказать даже отцу. Но именно с той встречи началось наше общение, и именно он первым заставил меня посмотреть в лицо правде, от которой мне хотелось бежать.

Он включил видео.

На экране появился высокий, худощавый парень, одетый во всё чёрное. Капюшон скрывал его голову, а лицо закрывала лыжная маска, не оставлявшая возможности разглядеть черты. Рядом с ним стояла моя мать. Её руки были связаны, на шее затянута петля, а сама она находилась на стуле, с которого могла упасть в любую секунду. Человек рядом с ней говорил спокойно, почти буднично. Он объяснял, что это его задание и что после его выполнения он поднимется ещё на

одну ступень выше.

Я не сразу поняла, что именно вижу. Мой разум словно отказывался принимать происходящее, цепляясь за последнюю возможность ошибиться, за мысль, что это какая-то чудовищная постановка, что сейчас запись оборвётся и всё окажется неправдой. Но стул под ногами мамы исчез.

Вместе с ним рухнул и мой мир.

Она начала задыхаться, судорожно пытаясь вдохнуть воздух, которого больше не могла получить. Я смотрела на экран, не в силах пошевелиться, пока её тело боролось за жизнь. Несколько секунд, растянувшихся для меня в бесконечность, и всё закончилось. Мама затихла. Её глаза медленно закрылись, а из моей груди вырвался крик, который я, казалось, не могла удержать даже собственными руками. Эндрю обнял меня и крепко прижал к себе, не позволяя приблизиться к экрану. Я вцепилась пальцами в его одежду, дрожа всем телом, но продолжала смотреть на запись, словно от того, сумею ли я отвести взгляд, зависело, смогу ли когда-нибудь вернуть маму.

Я помню её лицо до мельчайших подробностей. Помню выражение глаз, черты, которые столько лет были для меня самым родным зрелищем на свете. Иногда мама до сих пор приходит ко мне во сне, и после пробуждения мне требуется несколько мгновений, чтобы осознать, что её больше нет. Но то, что Эндрю рассказал мне после просмотра записи, оказалось страшнее даже самой этой картины.

Парень, который всего несколько дней назад прислал мне цветы и подарки, человек, спасший меня, когда я была практически без сознания, оказался тем самым убийцей, которого я только что видела на экране. И именно он был тем байкером, которого я когда-то спасла, заметив автомобиль, мчавшийся прямо на него, пока сам он, казалось, даже не осознавал, что находится в нескольких секундах от смерти.

Как такое вообще могло произойти?

Слишком много совпадений для одной человеческой жизни. Настолько много, что в какой-то момент перестаёшь воспринимать их как случайность. Это было спланировано. Я спасла человека, убившего мою мать, а теперь он пришёл за мной.

Поначалу я отказывалась верить. Не могла осознать, зачем совершенно постороннему человеку понадобилось убивать женщину, с которой, насколько мне было известно, его ничего не связывало. Я пыталась найти хоть какое-то объяснение, которое позволило бы мне не принимать увиденное за правду, но Эндрю рассказал о мире, существование которого прежде даже не приходило мне в голову.

Оказалось, что в преступных организациях подобные убийства могут быть своеобразным испытанием. Человеку дают цель, представляющую определённую ценность: влиятельного бизнесмена, его жену или ребёнка, конкурента либо того, кто мешает кому-то подняться выше. Поручения бывают разными. Убить, уничтожить чужой бизнес, устранить

соперника, отнять его место. Выполняешь задание — доказываешь свою преданность, получаешь доверие, влияние, а вместе с ними и возможность продвигаться вверх по иерархии. Человеческая жизнь в этом мире становится всего лишь платой за очередную ступень власти.

И человек, которого я спасла, оказался одним из тех, кто сумел пройти подобное испытание.

Это был Дэмиан Синклер. Или Дэмиан Марлоу — имя, под которым его знают теперь.

Моя мать была далеко не единственной его жертвой. Эндрю рассказал, что Дэмиан убил его родителей, брата, бабушку и дедушку. Всю его семью. Он потратил немало времени, пытаясь найти человека, который отнял у него самых близких, и с тех пор сам следил за Дэмианом, собирал информацию, изучал его привычки и ждал возможности добраться до него. Однако сделать это оказалось гораздо сложнее, чем он рассчитывал.

Семья Эндрю когда-то была самой обычной семьёй бизнесменов. Они не принадлежали к преступному миру, не были чудовищами и не совершали ничего такого, за что могли бы заслужить подобную участь. Но это не имело никакого значения для людей, которые решили уничтожить их. В их мире невиновность не служила защитой, а чужая жизнь не обладала ценностью, если становилась препятствием на пути к власти.

Эндрю хотел мести. И я не могла его осуждать. После того,

что он рассказал, мне даже не требовалось пытаться представить, что он чувствовал. Я сама потеряла мать, и уже одного этого оказалось достаточно, чтобы понять его желание найти человека, который разрушил его жизнь. Когда Эндрю узнал, что Дэмиан следит за мной, он решил предупредить меня. После этого мы ещё долго оставались в той комнате. Я пыталась прийти в себя, собрать мысли и хоть как-то осмыслить услышанное, а он терпеливо сидел рядом, не торопил и не задавал вопросов, пока дрожь постепенно не начала отступать. Когда я наконец вышла, отец уже успел встревожиться из-за моего исчезновения. Пришлось солгать, что мне стало плохо и я просто хотела немного побыть одна.

Но на этом всё не закончилось. Напротив, тогда всё только начиналось.

Уже пять лет этот больной ублюдок преследует меня практически повсюду. Камеры появились в местах, которые я посещаю чаще всего, а его подарки продолжают приходить с завидной регулярностью. Книги, цветы, манга, сладости — он каким-то образом всегда знает, что именно может меня порадовать. Не забывает о моих днях рождения и праздниках, пишет сообщения, предлагает избавиться от любого человека, который меня обидит, и при этом упорно отказывается появляться передо мной лично. Он словно решил стать частью моей жизни, не предоставив мне права выбора, но оставив достаточно пространства, чтобы я могла только догадываться о его настоящих намерениях.

О каждом его шаге мне рассказывает Эндрю.

После нашей первой встречи мы виделись всего дважды, и оба раза — на мероприятиях, где Дэмиан не мог получить к нам доступ. Эндрю передал мне специальный телефон, который невозможно отследить обычными способами. Я храню его в ванной, потому что это единственное помещение в доме, где нет камер. Здесь я могу говорить с ним, не опасаясь, что Дэмиан узнает о нашем общении или услышит хотя бы часть разговора. В остальном доме я давно перестала считать себя полностью защищённой от чужого внимания. Даже находясь в собственной спальне, я не могу забыть, что за мной могут наблюдать.

Эндрю рассказывает, где находится Дэмиан, куда приезжает, сколько времени проводит неподалёку и как долго следит за мной. Иногда присылает фотографии, сделанные издалека, и каждый раз я невольно задерживаю на них взгляд, пытаясь рассмотреть человека, который так настойчиво вторгся в мою жизнь.

За эти годы он изменился. На снимках Дэмиан уже совсем не похож на того парня, которого я когда-то увидела на байке и на записи. Он стал выше, шире в плечах, заметно взрослее и увереннее в себе. По-прежнему предпочитает тёмную одежду, часто скрывает голову под капюшоном или натягивает водолазку почти до самых глаз. Он словно не желает оставлять миру ни малейшей возможности разглядеть себя. Ни на одной фотографии его лицо не видно полностью.

Но я знаю, как он выглядит.

Иногда он появляется на светских мероприятиях вместе с дядей, совершенно спокойно позирует перед камерами, улыбается фотографам и производит впечатление вполне обычного человека. Уверенного в себе, воспитанного, привлекательного мужчины, которому нет нужды что-либо доказывать окружающим. Никто из тех, кто видит его на подобных снимках, даже не заподозрит, что за этой безупречной внешностью скрывается человек, разрушивший мою жизнь. Что именно он убил мою мать, а теперь годами наблюдает за мной, словно имеет на это какое-то право.

Эндрю работает со специальной организацией, деятельность которой направлена на борьбу с тем самым подпольным миром. И их цель гораздо масштабнее, чем устранение одного Дэмиана Синклера. Ведь даже если завтра он умрёт, ничего по-настоящему не изменится. Его место займёт другой. За ним придёт следующий, а потом ещё десятки людей, воспитанных той же системой, привыкших к жестокости и готовых ради власти повторять всё то, что делали их предшественники. Убрать одного человека — не значит уничтожить зло, частью которого он является.

Поэтому, каким бы личным ни оставалось желание Эндрю отомстить Дэмиану за свою семью, он решил посвятить жизнь куда более масштабной цели — уничтожению всей этой системы. Он хочет добраться до её основания, лишить её власти и возможностей, сделать так, чтобы больше никто

не мог безнаказанно распоряжаться чужими жизнями.

Однажды Эндрю спросил, готова ли я помочь им. Готова ли принять участие в том, что может оказаться опасным не только для меня, но и для всех, кто мне дорог. Я согласилась, не раздумывая. Если у меня есть хотя бы малейшая возможность помочь в том, чтобы человек, отнявший у меня маму, наконец получил по заслугам, я не собираюсь от неё отказываться. Если благодаря моему участию хотя бы одна семья будет избавлена от подобного кошмара, если ещё кому-то не придётся переживать ту боль, с которой я живу каждый день, я готова сделать всё необходимое.

Правда, пока от меня не так много пользы, как хотелось бы.

Я даже не понимаю, почему Дэмиан до сих пор не появился передо мной. Не знаю, что именно он ко мне испытывает и чего добивается, продолжая годами держаться на расстоянии. Эндрю считает, что всё объясняется его нездоровой психикой и тем, что он просто больной ублюдок, которому взбрело в голову сделать меня частью собственной жизни. Возможно, когда Дэмиан охотился на мою мать, он обратил внимание и на меня. Увидел, запомнил, а затем по какой-то извращённой причине превратил в очередную одержимость. Но я не могу исключать и того, что всё гораздо сложнее. У меня слишком мало информации, чтобы делать выводы, а недооценивать такого человека было бы непростительной ошибкой.

Поэтому мне приходится быть осторожной.

Но осторожность не означает, что я должна сидеть сложа руки и ждать, пока он сам решит, когда именно появиться в моей жизни. Я хочу заманить его. Хочу стать настолько важной для него, чтобы однажды он уже не смог представить своего существования без меня. Хочу, чтобы его одержимость переросла в нечто настолько сильное, что он сам захотел бы отказаться от мира, которому принадлежит. Пусть однажды ему покажется, что ради меня он готов уничтожить всё, что долгие годы составляло смысл его жизни.

Я не собираюсь становиться его марионеткой. Если уж нам суждено играть в эту игру, то я намерена изменить её правила. Я хочу, чтобы он сам оказался в ловушке собственных чувств, чтобы начал принимать решения, которые будут выгодны мне, и даже не подозревал, что всё это время я веду его туда, куда нужно мне. Пусть считает себя охотником. Пусть думает, что именно он выбирает, когда приблизиться и когда отступить. Главное, чтобы в конце концов именно он оказался в моих руках.

Если ради мести мне придётся предпринять ещё десятки отчаянных попыток приблизить его к себе, я это сделаю. У меня нет права останавливаться только потому, что он оказался не таким предсказуемым, как мне хотелось бы.

Ведь без него моя жизнь могла бы сложиться совершенно иначе.

У меня был бы счастливый дом, самый лучший отец на

свете и мама, которую я любила больше всех на свете. Я могла бы расти в семье, где меня окружали любовь и забота, где возвращение домой означало бы покой, а не очередное испытание. Но вместо этого в моей жизни появилась мачеха со своей дочерью, и они годами превращали моё существование в настоящий ад. Сводная сестра сделала всё возможное, чтобы настроить против меня школу, превратив каждый день в череду унижений и одиночества. Её мать не просто закрывала на это глаза — она помогала дочери разрушать мою жизнь, методично отравляя всё, что ещё оставалось от моего прежнего мира.

И всё началось с него.

Дэмиан отнял у меня мать, а вместе с ней словно вырвал из моей жизни ту её часть, в которой я когда-то была по-настоящему счастлива. Он не просто лишил меня самого дорогого человека. Он изменил всё, что произошло после. И даже если он не собирался причинять мне боль лично, именно его поступок стал началом той жизни, которую я никогда не выбирала.

Единственное, что по-настоящему осталось у меня от прежнего мира, — это отец, которого я вижу гораздо реже, чем мне хотелось бы, потому что его работа практически не оставляет ему свободного времени, и Сиенна, моя единственная настоящая подруга. В школе она не отвернулась от меня, хотя моя сводная сестра делала всё, чтобы настроить против меня остальных. Сиенна осталась рядом, когда

другие предпочли отвернуться, и я никогда этого не забуду. Иногда мне кажется, что именно благодаря ей я не позволила себе окончательно разочароваться в людях.

Вот и всё, что у меня осталось. Отец, Сиенна и жизнь, которую я пытаюсь собрать из того, что когда-то от неё осталось.

Всё, кроме мести.

Я ложусь на кровать и невольно задерживаю взгляд на орхидее, которую Дэмиан прислал вчера. Цветок стоит неподалёку, привлекая внимание своей утончённой красотой. В нём есть что-то загадочное, почти величественное. Он выглядит хрупким, но при этом обладает какой-то особенной притягательностью, от которой трудно отвести взгляд. Я протягиваю руку и осторожно провожу пальцами по лепестку, тут же испытывая раздражение на саму себя за то, что вообще позволяю себе любоваться подарком человека, которого должна ненавидеть.

Совсем как он.

Если бы я не знала правды, если бы не видела ту запись и не слышала рассказ Эндрю, возможно, Дэмиан действительно мог бы меня очаровать. И если он считает, что может превратить меня в очередную жертву своей одержимости, то сильно ошибается.

В этой игре жертвой буду не я.

CAM 01
CAM 02
CAM 03
CAM 04
CAM 05
CAM 06

Глава 3. Д
эмиан

Звонок вырывает меня из сна с такой беспощадностью, что я едва не сваливаюсь с дивана. Несколько секунд сижу, пытаясь сообразить, где нахожусь и какого чёрта меня потревожили, пока взгляд постепенно не фокусируется на знакомом мерцании мониторов. Аврора всё ещё спит. На одном из экранов виднеется её лицо, расслабленное во сне, волосы беспорядочно рассыпались по подушке, а приглушённый свет ночника мягко ложится на черты, которые я знаю едва ли не лучше собственных.

Перевожу взгляд на часы.

Шесть утра.

— Чёрт...

Кому, мать его, понадобилось звонить в такую рань?

На дисплее высвечивается имя Винни. Раздражение тут же сменяется обречённостью. Ну конечно. Кто же ещё способен вторгнуться в моё утро с таким бесцеремонным постоянством?

— Винни, тебя убивают? — вместо приветствия бросаю я в трубку.

— Эм... нет, — отвечает он с таким недоумением, словно ожидал услышать от меня что-то совершенно другое.

— Тебя нагнули и теперь нужна смазка?

Последние слова я практически выкрикиваю, но Винни

лишь тяжело вздыхает. К моему характеру он давно привык и прекрасно знает, что иногда разумнее переждать очередную вспышку раздражения, чем пытаться привести меня в чувство.

— Твой дядя едет к тебе. Будет примерно к восьми.

Сон слетает мгновенно.

— Что? Почему он сам ничего не сказал?

— Откуда мне знать? Ты же просил сообщать, если он решит что-нибудь предпринять.

— Ладно. Разберусь.

— Смазка тебе всё-таки скоро понадобится. Пять лет жизни монашкой, засранец, — напоследок бросает он и отключается.

Я несколько секунд смотрю на погасший экран, после чего невольно усмехаюсь. Вот же придурок.

Винни — сын Калеба, старого друга моего отца. Когда я был ребёнком, отец практически никому не позволял приближаться ко мне. Любое знакомство, любая дружба, любое общение с посторонними людьми проходили через его одобрение. Но для Винни сделали исключение. Он был единственным человеком моего возраста, которого мне разрешалось видеть, и со временем стал единственным, кого я действительно мог назвать другом.

Обычного детства у меня никогда не было. Пока другие мальчишки носились по улицам, заводили приятелей, возвращались домой с разбитыми коленями и жаловались ро-

дителям на школьные неприятности, мою жизнь определяли охрана, строгие правила и постоянный контроль. Уроки проходили онлайн, передвижения ограничивались, а каждый человек, появлявшийся рядом со мной, вызывал у отца подозрение. Я рос в окружении людей, призванных защищать меня от опасностей, о которых большинство детей даже не догадывались. Слишком рано я усвоил, что фамилия Синклеров — не просто наследство, а мишень, которую невозможно снять с собственной спины.

После смерти родителей Калеб помогал дяде вести дела и оставался одним из немногих людей, которым тот действительно доверял. Поэтому Винни и оказался рядом со мной ещё в детстве. А когда мне исполнилось восемнадцать, его роль в моей жизни изменилась. Он пришёл ко мне уже не просто как сын старого друга семьи, а как человек, которому предстояло стать моей правой рукой.

Разумеется, давнего знакомства для этого было недостаточно. Доверие не выдают авансом, особенно в нашем мире. Я проверял Винни не один раз, намеренно ставил в ситуации, где ему приходилось выбирать между собственной выгодой и моей безопасностью. Он прошёл все испытания. Теперь я могу доверить ему собственную жизнь, не сомневаясь, что он не воспользуется этим против меня.

Но Аврору я ему не доверю никогда.

Это единственная территория, на которую я не позволю никому ступить. Даже человеку, которого считаю другом и

которому доверяю больше, чем большинству людей в своей жизни.

Однажды Винни приехал ко мне на личную встречу. В тот вечер я был достаточно пьян, чтобы позволить себе сказать вслух то, о чём в трезвом состоянии предпочитал не распространяться: после Авроры у меня не было ни одной женщины.

Он, разумеется, запомнил это признание лучше собственного имени. С тех пор при каждой удобной возможности напоминает мне о пятилетнем затворничестве, отпускает свои идиотские шуточки и не упускает случая подчеркнуть, сколько времени я провёл в ожидании одной-единственной девушки. Иногда мне кажется, что эта тема доставляет ему куда больше удовольствия, чем все остальные его развлечения.

Когда-то моя жизнь выглядела совершенно иначе. Женщины появлялись и исчезали, не оставляя после себя ничего, кроме мимолётных воспоминаний, если вообще удостаивались места в моей памяти. Я не утруждал себя тем, чтобы запоминать их имена, и никогда не обещал того, чего не собирался выполнять. Порой мои развлечения заходили слишком далеко, и дяде приходилось улаживать скандалы, связанные с проститутками. Тогда подобные неприятности меня совершенно не волновали. Всё казалось естественной частью существования, в котором не было ничего, кроме власти, денег, насилия и доступных удовольствий.

Пока не появилась Аврора.

После неё всё прежнее утратило вкус. Женщины, которые прежде могли привлечь моё внимание, стали совершенно неинтересны. Любые попытки вернуться к прежнему образу жизни вызывали лишь раздражение. Мне больше никто не нужен. Я ждал Аврору пять лет и продолжу ждать столько, сколько потребуется. В конце концов, я получу то, чего хочу. И, в отличие от многих других вещей в моей жизни, от этого желания я отказываться не собираюсь.

Я замечаю, что снова погрузился в мысли о ней, и заставляю себя вернуться к происходящему. Дядя собирается приехать без предупреждения. А это уже проблема.

У нас есть люди среди его охраны, и обычно о его передвижениях становится известно задолго до того, как он покидает кабинет. То, что на этот раз новость пришла от Винни, а не от моих собственных источников, само по себе настораживает. Возможно, дядя намеренно не предупредил меня. Возможно, просто решил проверить, насколько внимательно я слежу за происходящим вокруг. В любом случае его визит не похож на обычное семейное посещение.

Я быстро прикидываю время. Аврора обычно просыпается около десяти. Сегодня среда, а значит, до полудня она будет в библиотеке. Если всё пройдёт по плану, я успею принять дядю, выяснить причину его внезапного приезда и отправить его обратно до того, как она покинет библиотеку. Мне этого вполне достаточно.

Поднимаюсь наверх, принимаю душ и переодеваюсь. Когда спускаюсь в гостиную, на столе уже ждёт завтрак. Вскоре появляется Лара — как всегда, почти бесшумно.

Она работает в этом доме с тех пор, как я его купил. Прежде служила прежним владельцам, а после продажи недвижимости осталась без работы. Я не увидел причин увольнять её. Она не вмешивается в чужие дела, не задаёт вопросов, на которые ей не собираются отвечать, и обладает редким качеством, которое я особенно ценю в людях: умеет замечать гораздо больше, чем ей говорят, но при этом держит язык за зубами. В моём доме это не просто достоинство, а необходимое условие.

Именно поэтому она мне нравится.

— Твой любимый омлет, Дэмиан, — произносит она с привычной улыбкой.

— Спасибо, Лара. Дядя скоро приедет. Подготовишь дом? Только не показывай, что я знаю о его приезде.

Она едва заметно кивает, не задавая ни одного лишнего вопроса.

— Конечно, дорогой.

После завтрака я связываюсь с Калебом. Разговор быстро переходит к делам, и семейные обстоятельства уступают место куда более неприятной теме. Кто-то в последнее время почувствовал себя слишком смелым и решил, что может безнаказанно объявить нам войну. Минувшей ночью сожгли один из амбаров, в котором хранился товар. Теперь нам

предстоит не только выяснить, кто за этим стоит, но и объясняться с заказчиками, которые меньше всего на свете любят получать пустые обещания вместо оплаченного груза.

Я не собираюсь перед ними оправдываться. Виновные будут найдены, а затем им придётся пожалеть о том, что они вообще решили связаться со мной.

Закончив разговор, спускаюсь в подвал и просматриваю всё, что удалось собрать по сгоревшему амбару. Информации пока немного, но даже из этих обрывков можно попытаться восстановить последовательность событий. Я изучаю записи, сопоставляю время и детали, когда телефон снова оживает в руке.

На экране высвечивается имя дяди.

— Доброе утро, дядя. Как дела?

— Не прикидывайся. Тебе уже доложили о моём приезде.

Я усмехаюсь.

— И когда ты будешь?

— Через пятнадцать минут.

Связь обрывается.

Несколько секунд я смотрю на экран, прежде чем убрать телефон. Иногда я забываю, насколько хорошо этот человек меня знает. Он прекрасно понимает, что я слежу за его передвижениями, точно так же, как я знаю: он не упускает из виду ни одного моего шага. Между нами давно существует своеобразная игра, в которой никто не считает нужным вслух признавать очевидное. Мы наблюдаем друг за другом,

проверяем границы дозволенного и предпочитаем не задавать вопросов, на которые оба уже знаем ответы.

Молчаливая, опасная и до неприятного привычная игра.

Через несколько минут я выхожу на крыльцо. Кортеж появляется у ворот почти беззвучно. Три бронированные машины одна за другой направляются к дому, и я невольно усмехаюсь.

Дядя, конечно, государственный служащий, а не мафиози, но привычка перестраховываться давно стала для него второй натурой. Даже обычный визит он превращает в небольшую военную операцию.

Дверца бронированного «Мерседеса» распахивается, и из салона выходит Тристан. В тёмных очках он окидывает взглядом территорию, словно по привычке проверяя всё вокруг, и лишь после этого направляется ко мне. Для своих сорока двух он выглядит чертовски хорошо. Возраст почти не коснулся его лица: кожа гладкая, без заметных морщин, а густые чёрные волосы до сих пор не тронуты сединой. Хотя, зная дядю, я ничуть не удивлюсь, если за последним стоят услуги чертовски хорошего парикмахера и ещё более искусного колориста.

Ростом и волосами я пошёл в него. А вот глаза у нас совершенно разные: его голубые, мои тёмно-карие. Каждое утро Тристан проводит не меньше полутора часов в спортзале и когда-то требовал от меня того же. Раньше я ненавидел эти тренировки, проклиная каждую минуту, которую приходи-

лось проводить среди тренажёров. Теперь же сам не представляю своего утра без физической нагрузки.

— Привет, дядя, — улыбаюсь я.

Он подходит, привычно хлопает меня по плечу и отвечает:

— Привет, сынок.

Всего одно слово, но оно неизменно оставляет после себя неприятный осадок. Сынок. Для него я до сих пор тот мальчишка, которого он забрал к себе после смерти родителей. И, наверное, какая-то часть меня так и останется им в его глазах, сколько бы лет ни прошло и чего бы я ни добился. Хотя, несмотря на всё, что я сделал за эти годы, мне так и не удалось испытать того облегчения, которое, как мне когда-то казалось, должно было прийти вместе с местью.

— Надеюсь, завтрак ещё не закончился? — спрашивает он, уже направляясь в дом.

— Разумеется, мистер Марлоу, — приветствует его Лара. — Давно вас не было. Как поживаете?

— Всё хорошо. А вы?

— Не жалуюсь.

Она оставляет нас вдвоём и возвращается к своим делам.

Дядя занимает привычное место во главе стола. Лара предусмотрительно приготовила всё, что он любит. Когда-то Тристан приезжал сюда гораздо чаще, но со временем наши встречи становились всё реже, поэтому его внезапное появление сегодня не может не настораживать. Особенно учитывая, что он не предупредил меня заранее.

Я устраиваюсь рядом и допиваю уже четвёртую чашку кофе.

— Какими судьбами?

Он невозмутимо отрезает кусок бекона, отправляет его в рот, тщательно пережёвывает и лишь после этого отвечает:

— До меня дошли слухи, что ты преследуешь дочь Блэквелла.

Чашка замирает у моих губ. На несколько секунд я даже забываю о необходимости дышать. Значит, он знает. Вопрос лишь в том, сколько именно ему известно. Да, я знаю, что его люди следят за мной, но никогда не позволяю себе терять бдительность. Я всегда знаю, где они находятся, когда появляются и куда направляются. Поэтому каждое моё приближение к Авроре заранее продумано до мелочей. Я не оставляю ни малейшего шанса, чтобы до дяди дошли какие-либо слухи. Значит, я всё таки прокололся…

Я медленно опускаю чашку на стол.

— И кто распускает эти слухи? — Мой голос срывается на крик.

— Следи за тоном, Синклер. Перед тобой старший.

Голос у него по-прежнему ровный, однако взгляд становится жёстче. Тристан не повышает голос без необходимости, и мне прекрасно известно, что за его внешним спокойствием всегда скрывается куда больше, чем он готов показать.

— Отвечай.

— Зачем? Чтобы ты его убил? Не беспокойся, это мои люди. Никто посторонний ничего не знает. А теперь объясни, зачем ты это делаешь и как давно. Не заставляй меня самостоятельно докапываться до правды.

Он снова принимается за завтрак, будто мы обсуждаем не женщину, за которой я наблюдаю уже пять лет, а дату его следующего визита.

— Она моя, — наконец произношу я. — Когда я закончу свои дела, а она окончит учёбу, я заберу её к себе. Пока ухаживаю издалека. Она знает, что я жду.

Тристан с такой силой отбрасывает приборы, что металл с резким звоном ударяется о тарелку. Он берёт салфетку, вытирает губы, после чего достаёт сигареты. Ещё одна привычка, которую я когда-то перенял у него, хотя теперь он, вероятно, пожалел бы, что позволил мне так внимательно за собой наблюдать.

— Ты мелкий говнюк, хоть понимаешь, кто такой Блэквелл? — цедит он сквозь зубы. — Для всего мира он обычный бизнесмен. Но ты прекрасно знаешь, кем этот человек является на самом деле. Когда-то он с твоим отцом чуть не перегрызли друг другу глотки. Всем пришлось вмешаться, чтобы их разборки не переросли в полноценную войну. В те годы спецслужбы буквально не спускали с них глаз.

— Но война так и не началась. Их жёны всё уладили. Они поделили дела и продолжили править каждый на своей территории.

Я говорю спокойно. Не вижу смысла поддаваться панике только потому, что дядя решил напомнить мне о давно известных обстоятельствах.

— Блэквелл назначил награду за твою голову.

Я ничего не отвечаю.

— Самую большую из всех, — продолжает он, пристально глядя на меня. — И тебе чертовски повезло, что он до сих пор не знает, насколько близко ты подобрался к его семье. Откажись от этой глупости и возвращайся со мной домой.

— Ни за что.

Теперь я смотрю ему прямо в глаза, не оставляя ни малейших сомнений в том, что услышал его предложение и не собираюсь его принимать.

— Не лезь в мои дела, дядя. Мне двадцать шесть, и я сам решаю, что делать со своей жизнью. От Авроры я не откажусь, даже если за это меня пристрелят. Я провёл здесь пять лет, и осталось совсем немного. Скоро всё закончится, я заберу её, и тогда Блэквелл ещё будет рад, что его дочь досталась племяннику достойного генерала. Он никогда не узнает, кто я на самом деле.

— Рано или поздно узнает! — взрывается Тристан. — У тебя и без этой девчонки проблем выше крыши! Один из твоих главных амбаров сожгли. Думаешь, на этом всё закончится? Скоро доберутся и до тебя!

Я неспешно поднимаюсь из-за стола.

— Я сказал: не лезь, дядя. Я сам разберусь.

Направляюсь к выходу, оставляя его сидеть среди нетронутого мной завтрака и собственных предупреждений. Но у самой двери останавливаюсь и оборачиваюсь.

— И ещё кое-что. Ни в коем случае не тронь Аврору. Если попытаешься вмешаться в это, станешь мне врагом. А теперь отдыхай здесь как дома.

Не дожидаясь ответа, я выхожу из комнаты.

Спустя несколько секунд из гостиной доносится звон разбитой посуды. Похоже, дядя всё-таки не сдержался. Пусть злится. Меня это совершенно не волнует. Я слишком долго шёл к Авроре, слишком много времени потратил на то, чтобы однажды оказаться рядом с ней, и не позволю никому разрушить то, что я задумал.

Ни Блэквеллу, ни Тристану, ни всему этому чёртову миру не удастся заставить меня отказаться от неё.

Глава 4. Аврора

Я выхожу из библиотеки и направляюсь к своему любимому кафе, но сегодня даже привычная дорога раздражает меня так же сильно, как собственные мысли. В последнее время раздражение вообще стало моим постоянным спутником — въедливым и неотступным. Оно словно поселилось под кожей и теперь отравляет каждую минуту. И, кажется, я уже злюсь не столько из-за самого чувства, сколько на себя за то, что никак не могу от него избавиться.

Действительно ли мой преследователь настолько одержим мной?

Если да, почему он до сих пор не решается подойти? Я сплю практически обнажённой, прекрасно понимая, что где-то существует человек, который способен наблюдать за мной даже в собственной спальне, и всё же он предпочитает оставаться по ту сторону моей жизни. Ему достаточно смотреть. Достаточно знать, чем я занимаюсь, куда иду и с кем разговариваю. Но почему?

Эндрю по-прежнему присылает мне отчёты каждый вечер. Он повсюду. Следует за мной, появляется неподалёку, наблюдает издалека, словно моя жизнь давно превратилась для него в маршрут, который он выучил до последнего поворота. Но что происходит, когда я возвращаюсь домой и закрываю за собой дверь? Чем он занимается по ночам? Ходит ли на свидания? Встречается ли с другими женщинами?

Спит ли с кем-нибудь?

И почему, чёрт возьми, меня вообще волнует, есть ли у него кто-то?

Я не знаю.

Почти дойдя до привычного поворота к кафе, я вдруг останавливаюсь на полушаге. Мысль возникает неожиданно, но чем дольше я её обдумываю, тем очевиднее становится, что именно этого мне и не хватало.

Он слишком привык к моему распорядку. Знает, где я бываю, в какое время прихожу, когда ухожу, какие места выбираю и по каким улицам хожу. Для него я давно стала предсказуемой последовательностью действий, в которой нет ничего неожиданного. Он знает, чего от меня ждать, потому что я сама каждый день предоставляю ему одну и ту же картину.

А что, если всё изменить?

Что, если впервые заставить его гадать, где я окажусь и что собираюсь делать? Посмотрим, насколько долго он сможет сохранять спокойствие, когда привычный порядок перестанет работать, а я больше не буду следовать правилам, которые он для меня установил.

Я сворачиваю в противоположную сторону и направляюсь к кафе, о котором девочки отзывались исключительно плохо.

«Там отвратительные напитки», — говорили они.

Замечательно. Сегодня мне как раз нужен отвратительный напиток.

Стоит переступить порог, как я понимаю, что девочки ничуть не преувеличивали. В воздухе висит тяжёлый запах дешёвого кофе, приторных сиропов и чего-то ещё, подозрительно напоминающего пригоревшее молоко. Даже представить не хочу, что здесь делают с кофейными зёрнами, прежде чем превратить их в то, что посетителям предлагают за деньги.

Я заказываю напиток, который уже по одному запаху кажется сомнительным, и выбираю столик не у окна, а в глубине зала. Так ему будет сложнее заметить меня с улицы. Зато сама я прекрасно вижу вход и смогу разглядеть каждого, кто переступит порог. Если он всё-таки появится, я его не пропущу.

Проходит час. Затем второй.

Я выпиваю третий напиток, и каждый следующий оказывается ничуть не лучше предыдущего. В какой-то момент мне даже хочется подозвать бариста и потребовать компенсацию за моральный ущерб, но я сдерживаюсь. Посетители за это время успевают смениться несколько раз. В кафе заходят шумные подростки, пожилые пары, люди, погружённые в собственные разговоры и дела. Я внимательно всматриваюсь в каждого мужчину, задерживаю взгляд на знакомых силуэтах, но среди них нет никого, кто хотя бы отдалённо напоминал моего преследователя.

Ничего.

На третьем часу я уже почти готова признать, что мой

маленький эксперимент провалился. Возможно, сегодня он действительно решил не появляться. Или я всё-таки переоцениваю его одержимость и способность контролировать каждый мой шаг.

Именно в этот момент ко мне подходит парень.

— Привет, — произносит он с немного неловкой улыбкой.

Худощавый, чуть выше меня, светловолосый. На вид примерно моего возраста. Он держится неуверенно, и по его движениям легко догадаться, что решиться на этот шаг ему было непросто. Похоже, он несколько раз собирался подойти, но каждый раз находил причину отложить знакомство.

— Привет.

— Я… уже два часа за тобой наблюдаю, — признаётся он, смущённо улыбаясь. — Всё никак не мог решиться подойти. А когда увидел, что ты собираешься уходить, понял: если сейчас снова струшу, второго шанса может уже не быть.

Он проводит ладонью по затылку, словно сам не знает, куда деть руки, и смотрит на меня с таким ожиданием, что я невольно улыбаюсь.

Впрочем, сейчас меня интересует вовсе не его смущение. Судьба, похоже, решила сама предоставить мне возможность проверить то, что я задумала. Если мой преследователь действительно следит за каждым моим шагом, он не сможет остаться равнодушным, увидев рядом со мной другого мужчину. Особенно если этот мужчина будет достаточно близко,

чтобы принять его за кого-то, кто мне интересен.

— Конечно. Я Аврора. Сядем у окна?

Я улыбаюсь чуть шире, чем собиралась.

— Красивое имя. Спасибо, что не отказала. Я Тайсон.

Он выглядит настолько растерянным, что мне даже становится немного жаль его. Похоже, женское внимание — не то, к чему он привык, и сейчас ему приходится прилагать немало усилий, чтобы не выдать собственного волнения.

Мы пересаживаемся к окну. Теперь, если он находится где-то поблизости, увидеть нас ему будет гораздо проще.

Разговор складывается на удивление легко. Мы говорим о всяких пустяках, смеёмся, обсуждаем что-то совершенно незначительное. Я улыбаюсь Тайсону, время от времени позволяю себе лёгкий флирт и даже стараюсь выглядеть заинтересованной в его рассказах. Со стороны, вероятно, мы похожи на обычную пару молодых людей.

Но часть моего внимания всё это время остаётся прикованной ко входу.

Минуты сменяют друг друга. Посетители приходят и уходят. Я продолжаю разговор, хотя всё чаще ловлю себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку открывающейся двери.

Ничего.

Я уже почти убеждаю себя, что сегодня он решил не вмешиваться в мою маленькую игру, когда телефон в кармане начинает вибрировать.

Одно сообщение.

Номер не сохранён, но я узнаю его сразу. Тот самый номер, с которого он пишет мне время от времени. Обычно это происходит, когда он собирается прислать очередной подарок или предлагает избавиться от моей мачехи. Иногда мне кажется, что у него совершенно извращённое представление о романтических жестах.

Но сегодня сообщение совсем другое.

«Сейчас же встань и уходи. Если не хочешь увидеть его труп в новостях».

По телу мгновенно пробегает холод. Я перечитываю сообщение, чувствуя, как внутри всё напрягается. Значит, он видел. Всё это время наблюдал за нами и прекрасно знал, что происходит за этим столиком.

И я слишком хорошо понимаю, что он не разбрасывается угрозами, которые не готов исполнить.

Я резко поднимаюсь.

— Куда ты? — Тайсон удивлённо вскакивает следом.

— Срочные дела.

Пытаюсь улыбнуться, но мысли уже несутся с такой скоростью, что сосредоточиться на чём-либо ещё становится невозможно. Он действительно способен убить Тайсона. Человека, которого я знаю всего несколько часов и который даже не подозревает, в какую историю случайно угодил.

— Сегодня у моего друга день рождения, — неожиданно говорит Тайсон. — Будет вечеринка. Приедешь?

Я смотрю на него, на его открытое, всё ещё немного сму-

щённое лицо, и вдруг понимаю, что это может оказаться даже интереснее, чем сегодняшний эксперимент.

А почему бы и нет?

Если он настолько одержим мной, что готов угрожать смертью человеку, с которым я познакомилась всего несколько часов назад, вряд ли сможет спокойно проигнорировать моё появление на вечеринке. Другое дело, что там будет ещё десяток людей, и это меняет ситуацию. На глазах у свидетелей ему придётся быть осторожнее, если он вообще решит показаться.

Но если он всё-таки придёт…

Возможно, именно такой возможности мне и не хватало. Шанса наконец увидеть его не через сообщения, не по косвенным следам его присутствия и не в собственных догадках, а лицом к лицу.

— Конечно.

Тайсон заметно оживляется. Он быстро записывает мне адрес и время, а я стараюсь не показывать, насколько сильно меня захватила эта внезапная идея.

Попрощавшись, я почти бегом выхожу из кафе. Оказавшись на улице, останавливаюсь и оглядываюсь по сторонам, пытаясь уловить хоть какое-нибудь движение, которое могло бы выдать его присутствие.

Пусто.

Никого.

Как всегда.

Дома уже наступило время обеда. Обычно папы в такие часы не бывает, а встречаться с лицом этой стервы мне сегодня совершенно не хочется. Я уже заранее представляю её натянутую улыбку и очередную попытку изобразить заботу, но, едва переступив порог, сталкиваюсь с Жанин — нашей управляющей, которая живёт с нашей семьёй практически столько же, сколько существую я.

— Привет, Жанин.

— Привет, дорогая. Папа дома. Обедает и просил, чтобы ты к нему присоединилась.

Я останавливаюсь, не сразу осмыслив услышанное.

Папа дома?

В это время?

Такое случается настолько редко, что я могу пересчитать подобные дни по пальцам. Иногда он неделями не появляется дома днём, поэтому его присутствие за обеденным столом становится для меня неожиданностью.

Я быстро направляюсь в гостиную. Стоит мне появиться в дверях, как папа поднимается из-за стола и широко улыбается. В следующую секунду он уже заключает меня в крепкие объятия, прижимая к себе так, словно мы не виделись целую вечность.

— Привет, зайка.

— Пап, я уже взрослая, — ворчу я, надувая губы.

— Для меня ты всегда будешь маленькой. Иди сюда, садись. Поешь с нами.

Я занимаю свободное место за столом и только после этого поворачиваюсь к мачехе.

— Привет, Мелани.

Мой голос звучит без особого энтузиазма, и скрывать это я даже не пытаюсь.

Встретившись с ней взглядом, я снова невольно думаю о том, насколько отчаянно она старается походить на мою мать. Только некоторые вещи невозможно купить, сколько бы денег ты ни потратила. Мама была красивой от природы. Светлые волосы, мягкие черты лица, естественная женственность, которой не требовалось ни подтверждения, ни чужого одобрения. Ей не приходилось часами сидеть в салонах или вкладывать целые состояния в собственную внешность, чтобы выглядеть привлекательно.

Мелани же каждый месяц тратит на лицо и волосы столько, словно однажды деньги всё-таки смогут совершить невозможное и превратить её в женщину, которую она никогда не сможет заменить.

— Привет, милая, — улыбается она.

Её улыбка настолько фальшива, что я давно перестала обращать на это внимание. Рядом с папой Мелани всегда превращается в образцовую мачеху: заботливую, терпеливую, доброжелательную. Она прекрасно знает, что он никогда не позволит ей меня обидеть, поэтому предпочитает играть роль любящей женщины, которой на самом деле никогда не была.

— Детка, мы скоро уезжаем. Не хочешь поехать с нами в отпуск? — спрашивает папа.

Я почти не сомневаюсь, что Мелани уже успела сообщить ему, будто мне это неинтересно. В действительности я бы хотела поехать. Мне хочется провести время с папой, побыть рядом с ним не несколько часов между его деловыми встречами, а хотя бы несколько дней. Но сейчас я не могу позволить себе уехать. Мне необходимо оставаться здесь.

— Нет, пап. Скоро начнётся учёба в университете, хочу подготовиться. К тому же мне хочется побыть с дедушкой. Он уже не молод.

— Ладно, зайка. Только я до сих пор не понимаю, почему ты выбрала Чикаго. Могла бы, как Кэтрин, учиться в Англии.

— Чикагский университет тоже престижный. И потом… я хочу быть ближе к тебе.

Я накрываю его руку своей ладонью. Папа смотрит на меня с той самой улыбкой, от которой внутри становится теплее, и на мгновение я забываю обо всём остальном. О неприятных разговорах, о Мелани, о человеке, который следит за каждым моим шагом. Рядом с папой мне всегда хочется верить, что в мире ещё осталось что-то по-настоящему надёжное.

— Ты уже взрослая, — вмешивается Мелани. — Рано или поздно тебе всё равно придётся уехать.

— Это её дом. Она останется здесь столько, сколько захочет.

Голос папы заметно твердеет. Улыбка Мелани едва заметно гаснет, и я с удовольствием отмечаю эту перемену, делая глоток сока, чтобы скрыть довольную усмешку.

Выкуси, стерва.

Сколько лет она мечтала о том, чтобы её дочь носила папину фамилию, сколько раз, должно быть, представляла, как однажды Кэт займёт место, которое по праву принадлежит мне. Только вот этой мечте так и не суждено было сбыться.

— Пап, я вечером иду на день рождения друга, — произношу я как бы между прочим.

Он удивлённо поднимает на меня глаза.

— Правда? Ты же обычно избегала вечеринок.

— Вот и решила немного расслабиться перед началом учёбы.

— Только без алкоголя. И домой до двенадцати. Артур отвезёт тебя и будет ждать.

— Но…

— Никаких «но», зайка. У меня один ребёнок. Я не могу рисковать.

Он наклоняется и целует меня в макушку. Я замечаю, как лицо Мелани становится неподвижным, словно она на мгновение забыла, какую маску должна носить в его присутствии.

Один ребёнок.

Всего два простых слова, но для неё они, должно быть, звучат болезненнее любого оскорбления. Каждый раз, когда папа произносит их, ей приходится вспоминать, что, несмот-

ря на все её старания, Кэт так и не стала для него тем, кем он считает меня.

— Спасибо, пап.

Я обнимаю его и целую в щёку, после чего поднимаюсь из-за стола.

— Пойду готовиться.

Артур, конечно, способен несколько усложнить мне задачу, но для человека, который уже пять лет наблюдает за мной из тени, даже охрана вряд ли станет серьёзным препятствием.

Поднявшись к себе, я направляюсь в гардеробную. Недавно я обновила гардероб, поэтому сегодня мне действительно есть из чего выбирать. Перебираю несколько вариантов, прежде чем остановиться на коротком чёрном платье с глубоким вырезом и тонкими бретелями. Высокие блестящие босоножки подчёркивают длину ног и завершают образ.

Собираюсь в ванной, намеренно не торопясь. Укладываю волосы крупными волнами, наношу лёгкий макияж, оставляя главным акцентом красную помаду. Платье сидит безупречно, подчёркивая фигуру именно так, как мне нужно. Сегодня я определённо буду выделяться среди остальных девушек, но меня это совершенно не беспокоит. Я наряжаюсь не ради них.

Закончив, ещё раз осматриваю себя в зеркале и выхожу из ванной.

Интересно, видит ли он меня сейчас? Нравится ли ему то,

что он видит? Я никогда прежде не позволяла себе одеваться подобным образом, по крайней мере настолько откровенно. Но сегодня мне хочется, чтобы он смотрел. Чтобы видел каждую деталь и понимал: я прекрасно знаю о его присутствии, даже когда не могу разглядеть его самого.

Спускаясь вниз, я уже представляю, как он наблюдает за мной через очередную камеру.

На выходе из дома сталкиваюсь с Мелани. Её взгляд медленно скользит по мне с головы до ног, задерживаясь на платье, открытых плечах и высоких каблуках. Затем губы растягиваются в ядовитой улыбке.

— Наконец-то решила выглядеть как шлюха, которой и являешься?

Я даже не останавливаюсь.

— Не больше, чем ты и твоя дочь, Мел.

Оставляю её переваривать мой ответ и выхожу наружу, не удостоив даже прощальным взглядом.

Артур уже ждёт возле машины. Один из старых папиных охранников, которому я привыкла доверять, открывает заднюю дверцу. Я забираюсь внутрь и устраиваюсь на сиденье, стараясь не выдать собственного волнения.

А что, если сегодня мы действительно встретимся?

Что я ему скажу? Как посмотрю в глаза человеку, которого пять лет ждала, сама того не желая, превратив собственную жизнь в ожидание его появления? Неважно. Он мой враг. Человек, который должен умереть. И если сегодня мне нако-

нец представится возможность увидеть его, я не имею права позволить эмоциям взять верх.

Главное — не выдать себя.

Эндрю я ничего не сказала о вечеринке. Узнай он об этом, наверняка попытался бы меня остановить, а я больше не намерена ждать, пока кто-то решит, когда мне позволено сделать следующий шаг. Пусть мой преследователь наконец откроет передо мной дверь, которую столько лет держал запертой. А когда я окажусь по другую сторону, то отниму у него всё. Не только жизнь, которую он построил в своём тёмном мире, но и ту единственную вещь, которую он, возможно, научился считать своей. Меня.

И заставлю его страдать так, чтобы он наконец понял: за всё однажды приходится платить.

Машина останавливается перед высокими воротами.

— Мы приехали, Аврора, — сообщает Артур.

— Спасибо, дядя Артур, — улыбаюсь ему.

— Я подожду здесь. Если что-нибудь случится, нажми на кнопку.

— Хорошо.

Маленькое устройство с единственной кнопкой всегда находится при мне — ещё с первого класса. Достаточно одного нажатия, чтобы люди отца практически мгновенно оказались рядом. Для дочери человека, который занимается бизнесом и за годы успел нажить достаточно врагов, подобные меры предосторожности давно стали обыденностью. Я на-

столько привыкла к ним, что порой даже не задумываюсь, насколько необычно для большинства людей постоянно знать: стоит случиться чему-то плохому, и помощь обязательно прибудет.

Дом друга Тайсона находится примерно в часе езды от нашего района. Здесь всё выглядит иначе: дома меньше, улицы скромнее, вокруг нет привычной мне показной роскоши. Зато район кажется уютным, почти беззаботным. Именно такие места и становятся идеальным убежищем для вечеринок, о которых родители предпочитают ничего не знать.

Я направляюсь к воротам.

— Я на вечеринку, — сообщаю охраннику.

Он медленно осматривает меня с головы до ног, задерживая взгляд там, где задерживать его совершенно не следовало, а затем облизывает губы. Отвращение мгновенно подкатывает к горлу.

— Чья вы гостья?

— Моя!

Тайсон появляется у ворот и почти бегом направляется ко мне.

— Аврора, ты пришла!

В его глазах столько неподдельного восторга, что я невольно улыбаюсь.

— Конечно.

— Пойдём. Люис будет завидовать, когда увидит тебя. Ты здесь будешь самой красивой.

Он произносит это немного смущённо, словно сам не привык говорить девушкам комплименты. При этом не пытается воспользоваться моментом, чтобы прикоснуться ко мне, приобнять за талию или позволить себе что-нибудь лишнее. Для парня на вечеринке это почти редкость. Жаль только, что он совершенно не в моём вкусе.

Мы входим в дом, и меня сразу накрывает плотная смесь громкой музыки, голосов, смеха, алкоголя и сладковатых ароматов чужих духов. Стоит мне появиться в гостиной, как несколько человек одновременно поворачивают головы. Девушки рассматривают меня с откровенной неприязнью, парни даже не пытаются скрывать интерес, будто я внезапно стала самым занимательным зрелищем этого вечера.

— Не обращай внимания, — тихо произносит Тайсон. — Они просто не привыкли видеть таких, как ты.

— Таких, как я?

Он слегка пожимает плечами.

— Ты выделяешься. И явно старше большинства здесь. Ну и, конечно, все заметили, на какой машине ты приехала.

— Сколько вам вообще лет?

— От восемнадцати до двадцати.

— Мне двадцать один, — улыбаюсь я.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Правда? По тебе и не скажешь…

Тайсон осекается, заметив выражение моего лица.

— Я не это хотел сказать!

Я тихо смеюсь.

— Всё нормально. Я знаю, что выгляжу старше.

Он облегчённо выдыхает.

— А в каком университете учишься?

— В Чикагском.

— Да ладно! Я тоже!

Его лицо моментально светлеет, словно теперь между нами обнаружилась какая-то особенная связь.

— Удивительно, что мы раньше не встретились.

— Где ты нашёл такую лакомку, Тай?

Рядом появляется высокий светловолосый парень с наглой ухмылкой. По одному его взгляду становится понятно: собственные границы он воспринимает скорее как досадное препятствие, чем как правило, которое следует соблюдать.

Тайсон заметно напрягается.

— Следи за языком, Люис.

— Спокойно, я просто спросил.

Он переводит взгляд на меня и бесцеремонно осматривает с головы до ног.

— Как зовут твою красотку?

— Аврора, — сухо отвечаю я.

Он протягивает руку, но я даже не смотрю на неё. Вместо этого беру Тайсона под локоть.

— Я пить хочу. Угостишь?

Тайсон сразу понимает намёк и уводит меня подальше от своего приятеля.

— Прости за него.

— Не извиняйся за чужие поступки. Всё нормально. Я всё равно ненадолго, папа просил вернуться пораньше.

— Ничего. Потом увидимся в университете.

Он протягивает мне бокал шампанского, и мы устраиваемся неподалёку. Некоторое время разговариваем о пустяках. Тайсон что-то рассказывает, я отвечаю, улыбаюсь, иногда смеюсь, но мысли мои находятся совершенно в другом месте. Взгляд постоянно скользит по толпе, цепляется за вход, лестницу, за людей, которые появляются и исчезают из поля зрения.

Я ищу его.

Но нигде нет ни знакомого силуэта, ни тёмной одежды, ни капюшона, ни малейшего признака того, что он вообще находится здесь.

Неужели он действительно оставит меня вот так? После всех своих угроз просто позволит мне провести вечер в компании другого мужчины? Или решил, что я недостаточно важна, чтобы ради меня нарушать собственные правила?

— Потанцуем? — предлагает Тайсон.

— Конечно.

Я позволяю себе немного расслабиться. Под музыку двигаюсь легко и свободно, смеюсь, когда Тайсон пытается повторять мои движения, и на несколько минут почти забываю, зачем вообще приехала сюда. Он старается, хотя танцует откровенно посредственно, и его искренняя неловкость вызы-

вает у меня улыбку.

В какой-то момент наши телефоны одновременно начинают вибрировать.

Тайсон достаёт свой и смотрит на экран.

— Мама звонит. Сейчас вернусь.

Он отходит в сторону, а я смотрю на свой телефон.

Сообщение от него.

«Выйди немедленно. Или я сам приду и вытащу тебя, а потом сожгу этот дом».

Холод медленно стекает вдоль позвоночника. Сегодня он уже во второй раз угрожает мне. И каждый раз пишет так, словно убийство для него не страшная крайность, а самый простой способ избавиться от того, что ему не нравится.

Здесь полно людей. Что он собирается делать, если действительно появится? Неужели готов устроить бойню только потому, что я решила провести вечер на вечеринке?

Пусть попробует.

Пусть наконец выйдет из своей тени и покажется мне.

Я убираю телефон, когда рядом снова возникает Люис.

— Хочешь, покажу тебе свою комнату?

Я перевожу взгляд с него на лестницу. Это опасно. Я прекрасно понимаю, что не стоило бы соглашаться на подобное предложение, особенно после сообщения, которое только что получила. Но именно этого я и добивалась. Если Дэмиан действительно следит за каждым моим шагом, если действительно не способен спокойно смотреть на меня рядом с дру-

гим мужчиной, ещё один шаг должен окончательно лишить его терпения.

— Давай, — отвечаю я, натягивая на лицо улыбку.

Люис явно доволен. Он разворачивается и ведёт меня наверх, в самый дальний конец коридора, где музыка уже звучит приглушённо, а голоса с первого этажа почти неразличимы. Остановившись возле одной из дверей, он открывает её, пропускает меня внутрь и следом заходит сам.

Затем дверь закрывается.

В комнате темно. Шторы плотно задёрнуты, свет выключен, и мне требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к полумраку. По спине пробегает неприятный холодок. Внезапно я понимаю, насколько глупым было решение подняться сюда с человеком, которого практически не знаю.

— Знаешь, я передумала. Пойду к Тайсону.

— Он не даст тебе того, что тебе нужно.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— Что именно?

В полумраке едва различаю его лицо, но даже этого достаточно, чтобы заметить откровенно мерзкую улыбку.

— Большой член и хороший трах.

Меня передёргивает от отвращения.

— Фу.

Я разворачиваюсь к двери, собираясь немедленно уйти, но Люис хватает меня за локоть.

— Куда это ты собралась, милая? Сначала я получу свой

подарок.

Он резко дёргает меня на себя.

— Отвали, урод!

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он лишь сильнее сжимает пальцы на моём локте.

— Кажется, я был с тобой слишком мягок. А ну иди сюда, стерва!

В следующее мгновение он грубо прижимает меня к стене.

— Помогите!

Телефон выскальзывает из руки и с глухим стуком падает на пол. Я судорожно тянусь к нему, пытаясь нащупать кнопку тревоги на чехле, но Люис наваливается сверху, перекрывая мне путь. Его вес придавливает меня к стене, не оставляя возможности ни вывернуться, ни дотянуться до телефона.

— Смирно, детка, — хрипло произносит он. — Сейчас я покажу тебе, как целуются по-настоящему.

Оглушительный грохот заставляет меня вздрогнуть. Дверь с такой силой слетает с петель, что я невольно вскрикиваю. Люис резко оборачивается, отступая на шаг.

— Кто, чёрт возьми, ты такой?!

В дверном проёме стоит он.

Мой преследователь.

Мне даже не нужно разглядеть его лицо, чтобы узнать. Я слишком долго представляла эту встречу, слишком много раз прокручивала в голове возможные варианты его по-

явления, пытаясь угадать, каким окажется человек, который столько лет предпочитал оставаться невидимым. И всё же реальность оказывается совсем не такой, какой я её воображала.

Он медленно входит в комнату. Не торопится, не повышает голоса, не бросается на Люиса с порога. В его движениях нет суеты, ни одного случайного жеста. Он держится так, словно всё уже решено и ему осталось лишь довести начатое до конца.

— Ты, малолетний кусок дерьма, посмел тронуть то, что принадлежит мне?

Его голос звучит низко и глухо, сдавленный яростью, которую он даже не пытается скрыть.

— Эта шлюха сама…

Люис не успевает закончить. Удар обрушивается ему на лицо с такой силой, что он отлетает в сторону и валится на пол. Дэмиан мгновенно оказывается сверху, оседлав его бёдра, и начинает избивать. Кулаки один за другим обрушиваются на лицо и голову Люиса. Удары тяжёлые, беспощадные, каждый сильнее предыдущего. В них нет ни предупреждения, ни желания просто проучить обидчика. Дэмиан не собирается останавливаться.

Люис уже не пытается сопротивляться. Он лишь закрывает голову руками, тщетно защищаясь от ударов, но мой преследователь словно перестаёт замечать, что перед ним больше не противник, а человек, который даже не способен под-

няться.

— Хватит! Пожалуйста! Ты же его убьёшь!

Он не реагирует.

— Перестань!

Но Дэмиан продолжает бить его, будто мои слова вовсе не достигают его слуха.

— Это я попросила его привести меня сюда!

Мой голос срывается на последнем слове. И только тогда его кулак замирает над лицом Люиса.

Несколько секунд в комнате царит такая тишина, что я отчётливо слышу собственное прерывистое дыхание. Дэмиан медленно поднимает голову и поворачивает в мою сторону. Я различаю лишь его силуэт и глубокую тень, скрывающую лицо под капюшоном.

Он поднимается с пола и направляется ко мне. С каждым его шагом расстояние между нами сокращается, а напряжение становится почти осязаемым. Когда он останавливается совсем близко, мне приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть в ту сторону, где должно находиться его лицо. От него исходит такая тяжёлая, разрушительная опасность, что её невозможно спутать ни с чем другим.

— Что ты сказала? Сама попросила его подняться сюда?

Теперь он говорит тише, но именно эта сдержанность заставляет меня сильнее напрячься. В его голосе слышится не просто злость. За ней скрывается нечто куда более опасное.

По моей коже пробегает дрожь, и, к собственному ужасу,

я понимаю, что вызвана она вовсе не одним страхом.

— Д… да, — едва слышно отвечаю я.

Он несколько долгих секунд молча стоит, словно пытается постичь причину моей безрассудной выходки. Наверное, не понимает, зачем я добровольно позволила другому мужчине привести себя в эту комнату, прекрасно зная, что мой преследователь может наблюдать за каждым моим шагом.

— Почему же, Аврора?

Моё имя, произнесённое его голосом, отзывается во мне странным волнением. Я столько раз представляла, как он однажды назовёт меня по имени,.

Он медленно поднимает руку и касается моей щеки кончиками пальцев.

Я замираю, не в силах отвести взгляд от скрытого тенью лица.

— Отвечай.

Он наклоняется ко мне, и его дыхание касается моих губ. Даже на высоких каблуках я едва достаю ему до ключиц. Сейчас, когда между нами почти не осталось расстояния, разница в росте и физической силе ощущается особенно остро. Я прекрасно понимаю, насколько легко ему подчинить меня одному движению руки, и всё же не отступаю.

Я не могу сказать ему правду. Не могу признаться, что именно этого и добивалась с самого начала, что сама заманивала его сюда и весь вечер ждала, когда он наконец перестанет прятаться за чужими окнами, экранами и тенями. По-

этому выбираю единственное объяснение, которое приходит мне в голову.

— Мне уже двадцать один, — шепчу я. — Но у меня ещё не было нормального поцелуя… и ничего большего.

Его пальцы на моей щеке замирают.

Он молчит. Несколько долгих мгновений просто смотрит на меня, и я не могу понять, что происходит у него в голове. Затем рука медленно перемещается к моему горлу, и его пальцы смыкаются на шее. Я поднимаю глаза, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь под капюшоном. Лица по-прежнему не видно, но его взгляд я чувствую почти физически.

Мне кажется, что сейчас он способен сделать со мной всё что угодно. Однако вместо того, чтобы ответить на мои слова, Дэмиан наклоняется и целует меня.

Поцелуй оказывается настолько внезапным, что я не успеваю даже осознать происходящее. В нём нет ни осторожности, ни робкой нежности, ни той неловкости, которую обычно связывают с первым поцелуем. Он властный, жадный, требовательный, словно за пять лет молчания и расстояния внутри него накопилось столько невысказанного, что теперь он больше не намерен сдерживаться.

И я забываю обо всём.

О комнате, в которой нахожусь. О Люисе, лежащем без сознания на полу. Об Эндрю, о маме, о мести и о том, что человек, стоящий передо мной, должен умереть.

На несколько мгновений весь мир сужается до его близо-

сти, прикосновений и запаха кожи. До ощущения запретного человека, которому я сама позволила переступить черту, хотя прекрасно знаю, кем он является и что совершил.

Когда он наконец отстраняется, я жадно втягиваю воздух, словно всё это время не могла дышать.

— Вот твой поцелуй, — хрипло произносит он. — Все твои поцелуи принадлежат мне, Аврора. И только мой вкус ты будешь знать и помнить.

От этих слов внутри всё болезненно сжимается. Я должна ненавидеть его. Должна помнить, зачем пришла сюда, и не позволять себе забывать, что передо мной убийца моей матери, человек, которого я собиралась заманить в ловушку и уничтожить.

Но вместо этого я стою перед ним, ошеломлённая собственными чувствами, и испытываю почти физическое отвращение к себе за то, что моё тело так легко предаёт разум.

Он снова притягивает меня к себе, обнимая крепче, словно не собирается позволять мне отдалиться, и целует ещё раз. Я теряюсь в этой опасной близости, не понимая, где заканчивается то, что я чувствую, и начинается то, что должна чувствовать. Ненависть, которую я годами взращивала в себе, сталкивается с необъяснимым, болезненным влечением, пробивающимся сквозь неё с пугающей лёгкостью.

А затем он неожиданно отстраняется, тяжело дыша, и оставляет меня посреди комнаты с затуманенным сознанием.

Именно в этот момент я впервые за все пять лет по-настоящему осознаю, насколько опасной была моя игра. Я хотела выманить его из тени, заставить показаться, вынудить сделать первый шаг. Я добилась своего. Только теперь уже не уверена, кто из нас оказался тем, кого загнали в ловушку.

— Ты хотела не только поцелуя, но и большего, Аврора, — произносит он, всё ещё тяжело дыша.

Его голос звучит низко и хрипло, а опасная интонация заставляет меня снова ощутить дрожь, пробегающую по коже.

Нет, успеваю подумать я, но вслух не произношу ни слова. В ту же секунду его грубая ладонь вновь ложится на мою шею, а горячее дыхание касается уха. Он прижимается ближе, и я невольно напрягаюсь, чувствуя, как его голос отзывается во мне новой волной тревоги и странного волнения.

— Знаешь, за эти годы я успел привыкнуть к мысли, что твои желания всегда стоят для меня выше всего остального. Поэтому теперь будь хорошей девочкой и прими то, чего сама хотела.

Я замечаю, как уголок его губ приподнимается в мрачной усмешке, но в ней нет ни капли веселья. Он злится. Возможно, ревнует. Я чувствую это по напряжению его тела, по тому, как крепнут пальцы на моей шее, словно он сам уже не замечает силы собственного захвата и даже не пытается её контролировать.

Его бесит всё произошедшее: то, что я согласилась подняться сюда с другим мужчиной, что оказалась с ним на-

едине в одной комнате и, хуже всего, что вообще допустила мысль о прикосновениях чужого человека.

Его вторая рука ложится мне на живот и медленно скользит ниже. Я инстинктивно напрягаюсь, сжимаю бёдра, не позволяя ему продвинуться дальше. Он может воспользоваться своей силой — я прекрасно понимаю, что не смогу противостоять ему или сопротивляться, если он действительно решит перестать считаться с моим сопротивлением. Но он этого не делает. Вместо этого наклоняется к моему уху, и его зубы царапают мочку. Из моего горла вырывается тихий, хриплый звук, а тело, предательски выдавая меня, постепенно расслабляется.

Его рука оказывается под моим платьем, отодвигает трусики и ложится на мою киску.

— Боже, как долго я этого ждал, — произносит он соблазнительным голосом, и я понимаю, что моё тело предательски начинает дрожать.

Мой разум больше мне не принадлежит. Чувства обострились. Единственное, о чём я мечтаю, — чтобы он прикоснулся ко мне. Я хочу почувствовать разницу между своими и его пальцами.

Он словно читает мои мысли. Два его пальца оказываются между моих складок и медленно начинают гладить меня внутри. Я закрываю глаза, отдаваясь ощущениям.

Чёрт бы его побрал, его пальцы определённо лучше.

Он чуть сильнее надавливает мне на шею, напоминая, у

кого сейчас в руках власть. Мои губы приоткрываются, и я чувствую, как его влажный язык оказывается у меня во рту. Он снова начинает поглощать меня ртом и пальцами.

Один из его пальцев оказывается внутри меня и проталкивается глубже. Я чувствую лёгкое жжение. Его большой палец начинает гладить мой клитор, и узел в животе постепенно закручивается. Оргазм приближается.

Я уже бесстыдно отвечаю ему в поцелуе, пытаясь вернуть себе хотя бы каплю контроля, и к своему ужасу понимаю, что насаживаюсь на его палец, будто мне всё мало.

— Боже, — вырывается у меня с отчаянием.

— Меня зовут Дэмиан, и стонать ты будешь, только моё имя, — произносит он низким голосом.

И когда волна оргазма обрушивается на меня, он сильнее сжимает мою шею. Эта нехватка воздуха будто превращает и умножает мой оргазм во что-то нереальное. Господи, я никогда не чувствовала ничего подобного. Такие эмоции и чувства должны быть запрещены. Человек не должен ощущать ничего подобного. Это за гранью понимания и принятия.

Он убирает руку с моей шеи и обнимает меня за талию, прижимая к себе и удерживая на месте, пока я дрожу в его руках. Потом убирает руку из моей киски и медленно подносит её к своему лицу. Стыд обжигает мою кожу сильнее, чем до этого оргазм. Я почти не вижу этого, но слышу причмокивающий звук. Он облизывает свои пальцы, которые только что были внутри меня.

— О боже, — вырывается у меня с ужасом.

— Я уже назвал своё имя, детка, — ухмыляется он и приближает наши лица.

— Ты получила свой поцелуй и даже большее. А я получил свою награду — возможность почувствовать твой вкус. И теперь, Аврора, я уже не уверен, что сумею остановиться. Мне хочется снова и снова возвращаться к твоим губам, пока этот вкус не станет для меня такой же привычной частью жизни, как собственное дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.